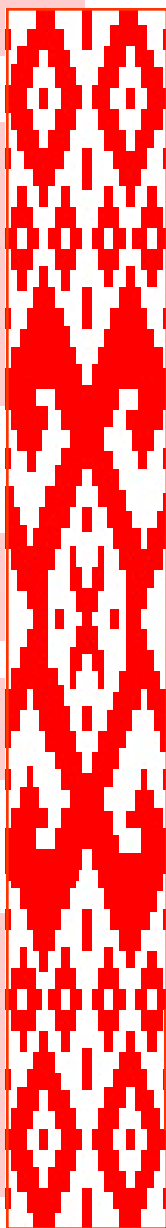


# ВОМ

**Big Open World Magazine**



**Светлана Алексиевич**

*Она открыла Республику Беларусь Миру (стр.4)*

ISSN 1946-0627



05 >

9 771946 062001

*Big Open World Magazine Photo Gallery*



*Festival of Big Open World Magazine*



*Fair Lawn, New Jersey 12/27/2015*

Литераторам, художникам, журналистам, творческим людям, желающим слышать и быть услышанными, наш литературно-художественный журнал открывает свои страницы.

Дорогие друзья,

Журнал *Big Open World Magazine* отметил десятилетие. Журнал был выпущен под патронажем Президента Американской ветви PEN Писатели в изгнании, Клэры Джорджиёу и предоставил возможность публиковаться как известным авторам, так и литераторам, для которых *Big Open World Magazine* стал стартовой площадкой для дальнейшего творческого роста. Первые номера вышли на английском языке.

С уходом Президента Американского PEN Центра Писатели в изгнании прекратил функционирование и сам Центр. Авторы — бывшие члены PEN, оказались без Центра, где могли рассчитывать на правовую и профессиональную поддержку. Выпуск издания, ставшего журналом PEN Писатели в изгнании, оказался под вопросом. Но в списках членов PEN Центра числились несколько сотен наших коллег-литераторов. Среди них — большое число русскоязычных авторов, как пишущих на русском, так и на английском языках. Было принято решение продолжить выпуск объединяющего нас литературного издания.

В настоящее время *Big Open World* выходит на английском и русском языках, как и прежде, предоставляя трибуну без цензуры для авторов из США и других стран..

27/12/2015 года в городе Fair Lawn, NJ состоялся юбилейный Фестиваль журнала.

Мы благодарны за поздравления, присланные в адрес *BOW Magazine*, среди которых письмо Нобелевского Лауреата 2015 года Светланы Александровны Алексиевич.

В программе Фестиваля прошли художественная и книжная выставки, концерт авторской песни, презентация очередного выпуска *Big Open World Magazine*.

За вклад в литературу и искусство награждены авторы журнала и представители литературных организаций: поэт и прозаик Евгения Димер, президент компании *Alan Weiss Productions*, неоднократный обладатель премий “Етту” за новостную журналистику Алан Вейс, поэт и переводчик, профессор Людмила Лепик, поэт и глава фонда “Support Israel!” Анна Гринберг, президент Литературного клуба Нью-Йорка Зиновий Коровин, президент Клуба писателей Евгений Любин.

В 2016 году редакция намерена расширить круг наших авторов и читателей. Подписавшийся на журнал *Big Open World Magazine* получает возможность публиковаться на его страницах, посещать проводимые нами мероприятия, участвовать в обсуждении наших материалов. А также опубликовать свои произведения в альманахе *Big Open World*.

Стоимость подписки 50 долларов США.

Чек или маниордер для *BOW* принимаем по адресу:

*Big Open World, P.O. BOX 238, Brooklyn, NY 11228, USA.*

Удачи вам и творческих успехов,

Владимир Гутковский (редактор)

## Содержание:

### Владимир Гутковский

<i>Она открыла свою страну Миру</i> .....	4
<i>Слово наших друзей</i> .....	5

### Поэзия:

Анна Гринберг .....	6
Михаил Жинжеров .....	7
Зиновий Коровин .....	8
Людмила Лепик .....	9
Лаура Мануелидис .....	10
Ефим Медведовский .....	11
Мира Рудая .....	12
Борис Селютин .....	13
Елена Щербакова .....	14

### Изобразительное искусство:

Александр Григорьев .....	15
---------------------------	----

### Проза, публицистика:

#### Наталья Асенкова

<i>Эмиграция и эмигранты (Глава из романа “Принцы и Короли”)</i> .....	6
--	---

#### Алан Вейс

<i>Гибель легенды музыки</i> .....	20
------------------------------------	----

#### Татьяна Мельничук

<i>Где Бресту найти нового Варбурга?</i> .....	22
--	----

#### Людмила Криворуцкая

<i>Посадка в Гандере</i> .....	24
--------------------------------	----

#### Евгения Димер

<i>Малберри стрит</i> .....	26
-----------------------------	----

#### Людмила Лангборт

<i>Госпожа X (глава из книги “Welcome to America” Дневник иммигрантки или обращение к небесам)</i> .....	28
--	----

#### Син Фолгер

<i>Визит автора в изгнании в Fairleigh Dickinson Университет</i> .....	32
--	----

#### Станислав Шушкевич

<i>Беловежская пуца, Вискули, 7-8 декабря 1991 года.</i> .....	33
--	----

#### Анна Немеровская *Об Ариадне Фиксман,*

<i>Исере Менгеле и других</i> .....	36
-------------------------------------	----

**BOW Magazine Photo Gallery: “Big Open World Magazine” Фестиваль, 12/ 27/2015 New Jersey**



P.O. BOX 238, Brooklyn, NY, 11228, USA

E-mail: info@bigopenworldmagazine.com

www.bigopenworldmagazine.com

Tel. 1(347)634-6393

## Она открыла Республику Беларусь миру.

Республика Беларусь. Некогда значимая часть Великого княжества. Настолько значимая, что родной для её обитателей язык был языком Великих князей литовских, и государственное делопроизводство также велось на языке, который теперь мы называем белорусским. Территория страны наших предков со временем мельчала. Да и само название “белорусы” пристало к нам с подачи императрицы, чья армия оттяпала львиную долю наших земель. Раздробленная на части страна теряла свою аутентичность. Ассимиляция извращала сознание. Землям, которые оккупанты назвали “северозападным краем”, не повезло вдвойне. Если польский белорус Пилсудский вошёл в историю, прежде всего как полководец, от войск которого нацелившиеся на Варшаву красные бежали обратно в Россию, то имена террориста Гриневитского и психопата-палача Дзержинского несмываемым позором останутся в истории Беларуси.

Убившая сама себя империя распалась на так называемые союзные республики. Что могли



*Нобелевская лекция. Стокгольм, 2015г.*

*Мои коллеги и читатели  
Big Open World Magazine  
- будут знать, что Слово  
помогает человеку обогатиться человеком.  
И работать для этого. А работа  
у нас самая важная и самая важная. Всё это  
одно.*  
*Светл. Алексиевич*  
*23.11.2015.*

произвести на свет эти ассимилированные осколки Ну, что могли, то и произвели: “героев труда”, “заслуженных деятелей”, “народных поэтов”, таких же “народных” артистов и художников... Всего такого, чего в мире не было, нет, и скорее всего, не будет.

Длившаяся с 1917 года и закончившаяся окончательным крахом империи агония разродилась даже президентами... Но тоже ассимилированными,

к тому же “выходцами из народа”, поскольку национальные элиты под корень были вырезаны “советами”. Эти, как и “народные артисты”, точно уж славу родной стране не принесут и известной её не сделают.

И не то чтобы “за державу обидно”, а утомительно как-то разъяснять на встречах с иноземным людом, что Беларусь ныне — не имеющая выхода к морю маленькая страна между Россией и Польшей... Далее в беседе повисает молчание, и после паузы собеседники натужно пытаются вспомнить знаковые для нашей страны имена известных личностей.

Больше всех повезло Шагалу, меньше — израильскому президенту и премьерам. Правителей нашего государства не знал никто, как, впрочем, и Скарыну. Оно и понятно, те — фигуры локальные, а “первопечатник”, так это тоже наш, локальный первопечатник.

Ещё пару-тройку выходцев из Беларуси, или того, как она называлась прежде, привожу, как аргумент. Но из известных мне имён: певца Забейды, учёного Кита, и гангстера Лански, узнаваемым оказалось имя основателя сети игорных домов. Причём то, что Меир Лански родом из Беларуси, мои собеседники узнавали впервые и опять же, от меня.

Печально, но выходцев из страны, которыми страна должна гордиться, намного больше, чем тех из них, кто может гордиться своей страной. Без причины родину не покидают. Первый белорусский Нобелевский лауреат была вынуждена часть жизни провести вне родины. Там, не прерывая творческую деятельность, Светлана Александровна Алексиевич завершила создание цикла произведений, которые являются культурным достоянием Беларуси и мировой литературы.

Иван Бунин — первый русскоязычный лауреат Нобелевской премии по литературе высоко ценил прежде всего то, что награду вручает монарх, представляющий одну из самых старинных династий Европы.

Никакая награда в мире не сравнима по значимости с Нобелевской премией. Локальные герои получают локальные награды за локальные заслуги из рук локальных функционеров.

И лишь звание Нобелевского лауреата содержит неповторимые компоненты: присваивается при жизни и единожды, награду вручает монарх и она имеет международный статус.

Светлана Алексиевич сделала для Беларуси то же, что Колумб для Америки — открыла её миру.

Не обласканная белорусскими властями, Нобелевский лауреат живёт в “маленькой стране, между Польшей и Россией”. С вручением ей Нобелевской премии, Беларусь стала более узнаваемой.

Грамадское аб'яднанне  
«БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАў»  
220030 г. Мінск, вул. Камсамольская, 7-32,  
тэл./факс (375) 017 203-63-66,  
E-mail: baj@baj.by, http://www.baj.by



Общественное объединение  
«БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАў»  
220030 г. Мінск, вул. Камсамольская 7-32,  
тэл./факс (375) 017 203-63-66,  
E-mail: baj@baj.by, http://www.baj.by

#### Поздравление

Белорусская ассоциация журналистов приветствует выпуск Big Open World Magazine – открытого миру пространства свободного и талантливое Слово.

Именно слово помогает людям понять друг друга; именно слово способно проникать сквозь барьеры, стены и за решетки тоталитарных систем. В мире, увы, много несвободных обществ, вражды и ненависти. Мудрое и талантливое слово делает мир добрее и чище, врачует страдающие души и окрыляет устремленных.

Big Open World Magazine служит именно такому слову.

Настойчивость и последовательность создателей Big Open World Magazine вызывает наше уважение. Произведения авторов, среди которых есть и белорусские, достойны благодарного читателя и зрителя.

Вдохновения вам, коллеги, творческих побед и плодотворного долголетия!

С уважением,

председатель ОО «Белорусская ассоциация журналистов»

Андрей Бастунец



#### Поздравление

Белорусская ассоциация журналистов приветствует выпуск Big Open World Magazine — открытого миру пространства свободного и талантливое Слово.

Именно слово помогает людям понять друг друга; именно слово способно проникать сквозь барьеры, стены и за решетки тоталитарных систем. В мире, увы, много несвободных обществ, вражды и ненависти. Мудрое и талантливое слово делает мир добрее и чище, врачует страдающие души и окрыляет устремленных.

Big Open World Magazine служит именно такому слову.

Настойчивость и последовательность создателей Big Open World Magazine вызывает наше уважение. Произведения авторов, среди которых есть и белорусские, достойны благодарного читателя и зрителя.

Вдохновения вам, коллеги, творческих побед и плодотворного долголетия!

С уважением,

председатель ОО «Белорусская ассоциация журналистов»

Андрей Бастунец

## Выступление президента Нью-йоркского Клуба литераторов Зиновия Коровина на Фестивале журнала “Big Open World Magazine” 12/27/ 2015 г.

*Здравствуйте, уважаемые участники Фестиваля!*

*Прежде всего, позвольте поблагодарить организаторов фестиваля этого безусловно необходимого журнала и его издателя и главного редактора Владимира Гутковского за предоставленную мне возможность принять участие и выступить перед собравшимися.*

*Как известно, после прекращения деятельности издательства Американской ветви Международного ПЕН-Центра “Писатели в изгнании”, именно этот журнал предоставил возможность публикаций писателям и поэтам, изгнанникам и эмигрантам из разных стран. Все мы можем на страницах этого журнала выразить своё отношение к происходящему в мире и поддержать тех, кто не имеет возможности открыто и бесцензурно говорить всё, что думает в странах нашего исхода.*

*Скажу о себе. Я покинул СССР в 1979 г. Родом я из Киева, где закончил школу, Киевский Инженерно-строительный институт и работал в проектных организациях города. Излишне рассказывать, “как, что и почему” привело к решению покинуть родину.*

*Что касается общественно-политического строя страны моего исхода, то на этот счёт у меня есть мнение, с которым далеко не все будут согласны...*

*Да, и Америка, и Россия — великие страны, и их благополучие и сохранность зависят только от них самих.*

*Но, как я уже сказал, “что было, то было. И есть”.*

*Когда у меня спрашивают, верю ли я в Бога, я отвечаю: Да, только не того, которого создали люди.*

*А что у нас с вами есть — это сознание того, что мы живём в такой стране и при такой общественно-политической системе, которая имеет немало минусов, но лучшей, по словам Черчилля, пока не придумали.*

*Коротко говоря, мои мысли и чувства, пусть с неизбежной поправкой на ностальгию, изложены в моих стихотворениях.*

*Вот и всё, что я хотел сказать. Пользуясь возможностью выступить на этом форуме, я счёл необходимым представить вашему вниманию стихи, которые отражают моё гражданское кредо.*

*Спасибо!*



**Анна Гринберг**

Не хватает, не хватает  
Мне твоих ладоней рядом.  
Облетает, облетает  
Лес осенним листопадом.  
И листочки, как ладошки,  
Открываются навстречу.  
Где же ты, мой друг хороший,  
Где же ты, мой друг сердечный?

На воде круги расплылись  
От дождей, спешащих в лужи.  
Почему мне вдруг открылось,  
Как ты мне сегодня нужен!  
Почему рвёт все запреты  
Эта истина простая?  
Почему осенним ветром  
Моё прошлое листает?

От листочка до листочка..  
Мной забытое когда-то  
Возникает крупной строчкой  
Без вины так виновато.  
И непрошенное вовсе,  
Но само собой вплетает  
В дней нагруженную россыпь.  
Как тебя мне не хватает!

### **Комнатный цветок.**

Тебе спасибо, ты меня искал  
Не у подножья серых голых скал,  
Не на вершине, спрятанной в снегу,  
Не на песчаном жёлтом берегу.  
Меня там нет, меня там не найти.  
Не приведут меня туда пути.  
Моя природа — кротка и робка.  
На дикий мир гляжу издалека.

Я просто нежный комнатный цветок  
Ищу без бурь укромный уголок.  
И от мороза и от жара бед  
Я увядаю, покидаю свет.  
И ты нашёл меня, вот он — зигзаг судьбы.  
Певец простора, покоритель мглы.  
И на груди запрятал мой цветок,  
И среди бурь житейских уберег.

И мой цветок расправил лепестки.  
И ароматом лечит от тоски.  
И от пыльцы пьянеет пчёлка рой.  
И мир наполнен волшебства игрой.  
И мир вокруг него — живой.

### **Пробегают дни, пролетают.**

Пробегают дни, пролетают  
Без волнений, на тихом коне.  
И следы за собой заматают  
От шагов, не доставшихся мне.  
От шагов, что я слышала часто,  
В тишине у ночного окна.  
Отзвук, бывший лишь призраком властным,  
Раздирающий сердце до дна.

И меняются прошлого сказки,  
Закрываются лет пеленой.  
Размываются старые краски,  
В темноте свет горит неземной .  
Тех шагов не дождавшись, однажды  
Я закрыла смятения дверь.  
В клетке спрятан притихший, бумажный  
Мой, как прежде, неласковый зверь.

### **В суете аэропорта**

В суете аэропорта,  
Полуночной и усталой,  
Я уже почти у борта,  
Я рукой его достала.  
Я в томленье предотлётном  
Вот уже не день, а больше.  
И огромные полотна  
Ветром мысленным полощет.

Рейс ночной, багаж проверен  
И отправлен с меткой “хрупко”.  
За служебной серой дверью  
Мой киборд в своей скорлупке.  
Лампы яркий свет мешают,  
Бьет в глаза казённым светом.  
Осень на дворе решает,  
А во мне играет лето.

Море с пляжем бесконечным.  
На песок следы роняю.  
На оттенок южной речи  
Я во сне акцент меняю.  
Я тебя во сне встречаю,  
Мир далекий, мир мой близкий.  
Я совсем не замечаю  
Самолета рокот низкий.

И на завтра приземлится  
На земле обетованной.  
Я не зря к тебе стремилась,  
Мой источник первозданный.  
Напитаться соком жизни,  
Напоить себя допьяну  
От этнической отчизны,  
Своевольной и упрямой.

И опять лететь по миру,  
Возвращаясь на мгновенья,  
Чтоб свою простую лиру  
На её настроить пенью.



**Мира Рудая**

### **Рембрандт**

Хоть по миру несётся шальная волна авангарда,  
 Всё ж в бурлящем потоке не сможет совсем утонуть  
 Тот таинственный свет, что мерцает в полотнах Рембрандта,  
 Чтоб в потомках раскаянье позднее вдруг всколыхнуть.

И как блудные дети падут пред ним на колени,  
 «Ты прости, что бросали народам пустой суррогат».  
 До сих пор не раскрыты секреты твоей светотени  
 И втянули искусство в очерченный чёрный квадрат.

\* \* \*

По зову незримой побудки.  
 В урочный назначенный час,  
 Мигрируют дикие утки,  
 К полёту им отдан приказ.

Плюют на таможни и визы,  
 И скарб не таскают с собой,  
 Заморский не нужен им вызов,  
 Есть компас-рефлекс вековой.

Сбегают, спасаясь от стужи,  
 От местных природных невзгод,  
 Живут за кордоном не тужат,  
 Но колокол генный пробьёт,  
 Взлетают согласно билетам,  
 Что выданы в оба конца,  
 И стайным, транзитным заветам,  
 От селезня их праотца.

Нам в ветхую память не вложен  
 Обратный билет, как у птиц,  
 Лишь призрак вороньих таможен,  
 Что всех стережёт у границ.

*Я заражён нормальным классицизмом,  
 А, Вы, мой друг, заражены сарказмом.*

*И.Бродский*

Увы, мы все заражены сарказмом,  
 Давно народам не до классицизма.  
 Ирония спасает от маразма,  
 И не даёт придти к каннибализму.  
 В России дух нефтегазообразный,  
 Шотландия больна сепаратизмом,  
 В Европе поселился житель праздный  
 И призывает граждан к аскетизму.  
 Термиты с интеллектом протоплазмы  
 Туннели прорывают к сионизму,  
 И скоро весь наш мир шарообразный  
 К простейшему вернётся организму.  
 И как же обойтись тут без сарказма?  
 Прививка людям он от критинизма.

### **Без души**

Покой в организме царил,  
 В нём мозг жил с душой душа в душу,  
 Но датчик в мозг кто-то всадил,  
 И звёздный тандем был нарушен.

“Я важный, научный объект”, —  
 Тут мозг заявил с пиететом,  
 “Ты, душка, никчёмный субъект,  
 И лишь вдохновляешь поэтов.

Я главный теперь инженер  
 Души человеческой в теле,  
 В подкорку моих полусфер  
 Насквозь электроды продели”.

И затрепетала душа,  
 От страха ушла она в пятки,  
 Обидевшись на кореша,  
 Умчалась скорей без оглядки.

Пришлось этот мозг отключить,  
 И умер несчастный кликуша,  
 А мог бы ещё долго жить,  
 Зачем наплевал себе в душу?



**Михаил Жинжеров**

### **Бурлит беспокойная наша планета**

Бурлит беспокойная наша планета,  
 Слухами переполнена.  
 Голод, террор, революции где-то,  
 Ураганы, цунами, войны.  
 Много сегодня средств информации:  
 Интернет, телевизор, газетная пресса.  
 Но факты проходят через фильтрацию  
 В чьих –то больших интересах.  
 Летят реклама и пропаганда,  
 Призывы и агитация.  
 Давно утрачены истина, правда –  
 Сплошная дезинформация.  
 Давят правители на СМИ,  
 Трактуют события как им выгодно.  
 Мол, всё сожрут, что втолкуем им мы—  
 Насекомые, черви, быдло.  
 И льётся кровь наивных и смелых,  
 Мечтателей разных обманутых.  
 И оседают огромные средства  
 В чьих-то больших карманах.  
 Напрасна кровь и впустую труды,  
 И как мы бываем рады,  
 Открыв среди тонн вонючей руды  
 Золотую крупицу правды.  
 Рискуя жизнью, в опасных местах,  
 Чтобы заснять моменты,  
 Мечутся, забыв про страх,  
 Отважные корреспонденты.  
 И часто падают поражённые  
 На землю или асфальт,  
 Чтобы поведать неискражённый,  
 Реально случившийся факт.  
 И я склоняюсь перед героями  
 Любой религии, нации,  
 Кто, не жалея ни жизни, ни крови.  
 Борется за информацию.

### **Пицца**

Голодному корочка хлеба снится,  
 Гурману разных блюд изобилие.  
 Но привезли из Италии пиццу.  
 Сначала лепёшку сыром покрыли.

Сейчас у нас пицца с начинками разными:  
 Зелёные овощи или томат,  
 Яйцо с репергопи влечёт нас и дразнит —  
 Грибы или брокколи или шпинат.

Любят богатые, кушают бедные.  
 Кушают с содою или без.  
 Хотя и знают, что пицца вредная,  
 Тяжесть в желудке и лишний вес.

Ходишь по городу, время обеднее.  
 Тянет голодный желудок к столу.  
 Время ли зимнее, время ли летнее,  
 Пиццу найдёшь ты на каждом углу.

Босс угостить подчинённых стремится.  
 Меню угадать не нужно таланта  
 Что привезут? Ну, конечно же пиццу.  
 Какие могут быть варианты?

Любят богатые, кушают бедные.  
 Кушают с содою или без.  
 Хотя и знают, что пицца вредная,  
 Тяжесть в желудке и лишний вес.

Детские праздники, милые лица.  
 Утро иль вечер, обед или ужин.  
 Чем угостить их? Конечно же, пиццей.  
 Вкусно и дёшево. Что ещё нужно?

Дама фигурой своею гордится.  
 Диета строжайшая, чтоб не толстела.  
 Но принесли ей огромную пиццу.  
 Думала, мучилась, всё-таки съела.

Любят богатые, кушают бедные.  
 Кушают с содою или без.  
 Хотя и знают, что пицца вредная,  
 Тяжесть в желудке и лишний вес.

Пицца зовёт и манит, завлекает.  
 Всюду пиццерий реклама сверкает.  
 Словно, как тромбы забили артерии,  
 Улицы наши забили пиццерии.





## Зиноий Коровин

### Незабытое

Мне привиделось давнее, прежнее –  
 Приоткрыли чуть-чуть облака  
 “Несказанное, синее, нежное”,  
 Ах, Россия! Ты так далека...  
 Не забыты Война во спасение,  
 Ни родные, что в ней полегли,  
 Ни свидания в ночи весенние,  
 Что и мир пережить помогли.  
 Не забыты прозренья-понятия,  
 Отчего никудышны дела;  
 Пусть, бывало, срывались проклятия,  
 Но ведь жизнь та моею была.  
 Пусть я жил под суровою тучею,  
 Но и в ней открывалось окно...  
 Всё, что в юности – самое лучшее,  
 А другой мне, увы, не дано.  
 Не забылись толпа безответная,  
 И её знаменосцы – вожди,  
 Но зато и сердечность приветная,  
 И снега, и грибные дожди.  
 Не забыты хмельные отдушины  
 И непьющих задумчивый круг,  
 Незатейливых песен жемчужины  
 И улыбки друзей и подруг;  
 Ни просторы, ни небо высокое,  
 Ни морской неумолчный прибой...  
 Ой, ты юность моя синеокая,  
 Как же трепетна встреча с тобой!

### Гамлет

Он был не мусульманин, а датчанин.  
 Политкорректен был его язык:  
 реченья по-обамовски звучали,  
 убийц побеспокоить не привык.  
 И заменил он “мстить или не мстить”

### Невещий сон или выдуманная история

В груди дел нечувствителен памяти груз  
 от детсада до шарканья стареньким.  
 А ночами мне снится Советский Союз –  
 только ленинским ставший, не сталинским.  
 Снится мне, что продлился, не умер Ильич,  
 сохранивший крестьянство и нэпманство,  
 после классовой порки отбросивший бич,  
 хоть вожжам и оставивший первенство.  
 Не отнимешь, что властолюбив и жесток был он к  
 бывшему высшему обществу,  
 но низами – любим на пожизненный срок  
 с их простым величанием по отчеству.  
 Он замену врагам, их побив, не искал.  
 Богодьяволом массам не стал он,  
 под усами припрятавшим волчий оскал,  
 как коварный “наследничек” – Сталин.  
 Не закручивал “винтики” зря без числа,  
 не душил богоданные чаянья.  
 Не братался он “пактом” с исчадием зла  
 ни по духу, ни впрок, ни с отчаянья.  
 Орды нелюдей встретил надёжной стеной —  
 не из трупов, что танки крошили бы,  
 а готовой к отпору могучей страной,  
 без лояльного пня — Ворошилова...  
 Снится мне временами иная страна,  
 где не сгнули те, что поверили.  
 И пусть без Иисуса молилась она,  
 но зато — без Ежова и Берии.  
 Не распался живучий Союз на куски  
 за застольем удаленьким ельцинским,  
 и народ не запил от дремучей тоски,  
 отрезвлённый напутствием ленинским...  
 Я проснулся... Что было – то было. И есть.  
 Ох, Россия, “величием” сдавлена!  
 Ей, безмолвной, не вспянувшей, воздана “честь”  
 продлевать “эффективного” Сталина\*.

*\* От выражений А. С. Пушкина: “народ безмолвствует” и “Россия вспянет ото сна”, и В.В.Путина: “Сталин — эффективный менеджер”.*

политкорректным: “быть или не быть”.  
 С тех давних пор во множестве ролей  
 вопрос стоял о жизни королей.  
 А ныне речь о более печальном:  
 Быть или НЕ быть в Дании датчанам.



### Людмила Лепик

**И.М.З.**

Не паспортом — душой  
Давайте возраст мерять.

Ты — самый молодой  
И в дважды ...надцать девять!

### **Счастье — это...**

Счастье — это гармония Духа и Тела,  
Созиданье Добра каждым словом и делом,  
Деревцо и цветок, что взрастил ты в пустыне,  
Чья-то стихшая боль, что терзала доньне.

И улыбка, сменившая слёзы ребёнка,  
Смех любимой, звучащий так нежно и звонко,  
И сияющий взгляд лучшей женщины в мире,  
Той, которую сделал ты самой счастливой..

### **С годами меняются даже масштабы**

С годами меняются даже масштабы,  
Наш год уже равен пяти,  
И как ни бодрись, до конечной заставы  
Не так-то и долго идти.

Нам столько досталось —  
Болезни, невзгоды,  
И смерть стерегла за углом,  
А мы вот назло своенравной природе  
Возьмём да, сто лет проживём.

Ведь наша любовь —  
Не тщедушный росточек,  
Что губит дыханье зимы.  
В ней — наша судьба,  
Долголетия источник,  
Залог нашей вечной весны.

Любовь нас согреет  
И взглядом, и словом,  
И лаской заботливых рук,  
Беду отведёт от порога родного,  
Излечит коварный недуг.

И разве не в силах мы счастье большое  
От мелких обид оградить,  
Чтоб всё несущественное, наносное  
Бриллиант не смогло замутить?

И верю я — сколько бы  
Лет ни минуло,  
Мы с нежностью вспомним не раз  
Тот памятный день на исходе июля,  
Что сделал счастливыми нас.

### **Как подарок судьбы**

Как подарок судьбы  
Мы друг другу даны

После стольких  
Невзгод и страданий.

Пусть же сном наяву  
Будут годы и дни  
Ежечасных

счастливых  
свиданий!

\*\*\*

Звезда Надежды,  
Ярко вспыхнув,  
Закатилась,  
И всё померкло,  
Пала ночь  
Средь бела дня.  
Так в счастье верилось,  
Но чуда  
Не случилось...  
Знать, не Судьба.  
Прости себя,  
Прости меня.

\*\*\*

Когда стихи во мне,  
Они — мои трворенья.  
Родившись, с матерью  
Младенцы пути рвут.

Так слабые ростки,  
Окрепшие в деревья,  
Судьбой своею собственной живут

Несите же добро,  
Мои кровинки-дети:  
Прохладу — в зной,  
Цветы — весной.  
А осенью — плоды.

И пусть недолго  
Мне осталось жить на свете,  
Оставлю на земле  
Не пустыри — сады.

### **Не суженый**

Мой желанный, родной, да не суженый!  
Не судьба нам зимою завьюженной  
Взглядом, словом сердца согревать.  
В горький час и в минуту счастливую  
Не со мною, а с ней, с нелюбимую  
Обо мне будешь ты вспоминать.



## ***Лаура Мануелидис***

*(Перевод с английского)*

### **Процесс исчезновение**

Так что же рай? Огромная больница,  
Где мы зависимы, куда пришли лечиться.  
Где никому не нужно ничего,  
Где нет эмоций, даже чтобы плакать,  
Из трубок, в рёбрах призрачных застрявших, капать...

Но сохранится боль, таблетки на подносах...  
Ни пища мёртвая, ни медсестры старанье,  
Достаточно взглянуть в открытые глаза,  
И ясно: это всё не облегчит страдания.

Обширные воспоминанья стёрты.  
В агонии Вздох Вечности наполнит  
Лишь тем, что не хотелось даже мёртвым  
Увидеть, слышать, ощутить, запомнить.

Нажаты клавиши, гармония застыла,  
Креплендо незаконченным осталось.  
Всё, что достиг, на том остановилось.  
Одна осталась грань, такая малость...

Божественность уже не многогранна,  
Но думаете: что, если проснуться?  
Или полёт продолжив этот странный,  
Кого на небе сможете коснуться?

И не стремись туда, где обещанья  
Всегда назойливы и драгоценны,  
Зелёный бархат сказочной печали  
Уводит за пределы эту землю.

### **Путь**

О, как был долгод этот интервал,  
Что между завязью и созревaniem вишни.  
И аромат лаванды краткой вспышкой  
Мечты о бесконечном навевал.  
Казалось, окончанья счастьем нету...  
Как и казалось бесконечным лето.

И округлившись, вожделенный плод  
Не сорван и готов продолжить род.  
Истомы ночи даром не пропали,  
А голым семем на живое пали.

Когда мы, не сопротивляясь ветру  
Обширной недействительности вечной,  
Последние преодолеваем метры,  
Действительность мудра и бесконечна.

### **Андалузские вариации**

Ушёл в себя, и выйти не сумею.  
Шарф времени — тугим узлом на шее.  
А прежде я б в такое не поверил:  
Нет воздуха, хоть приоткрыты двери.

Прекрасный, как любовь,  
Сравним со страсти нежностью,  
Наш трепет не уйдёт  
До встречи с бесконечностью.  
Как жаль, что между зёрен удовольствия.  
Нас манит смерть в свои объятья скользкие.

Позволь обвить тебя руками,  
Один остался вечер, и луна протянет длань,  
Покуда память не разбилась, как от встречи  
С горою, обезумевшая лань.



### **Ефим Медведовский**

(Из Блокадного цикла)

#### **Репродуктор**

Репродуктор чернеющей пастью  
Кровью выплюнул слово “война”,  
И разлилась багровым несчастьем  
Опрокинутая тишина.

#### **Ленинградские дети**

Меня как будто откопали  
Из-под дымящихся руин.  
В подвалах страха и печали  
Я чудом выжил не один.

Нас вызволил из тьмы блокады,  
Землисто-бледных и худых,  
Цинготных, слабых и нескладных,  
Отряд спасателей седых .

Впоследствии встречая всюду,  
Нас отличали от других.  
– Блокадники, – шептали люди,  
Над нами головы склонив.

— Эх, ленинградские вы дети, —  
Жалели: – Чем же вам помочь?  
Наверное, страданий этих  
Никто не смог бы превозмочь! —

А мы смущались, даже злились,  
(Не надо душу ворошить),  
Людей дивя духовной силой  
И, чёрт возьми, упрямым жить!

#### **Мальчишек взрослые глаза**

Прошла военная гроза,  
Давно ни взрывов, ни развалин.  
Мальчишек взрослые глаза  
Скорбят о детстве, что украли.

#### **Трамвай**

Скрипит, визжит вагон трамвая,  
Нагруженный, как муравей,  
На мост Литейный выползая,  
Как на пруток через ручей.

Мы взбудоражены осадой –  
Нам сесть в трамвай не удалось,  
И провозаем мы с досадой  
Всё удаляющийся “хвост”.

Вдруг торопливые хлопушки –  
Зениток разговор речист,  
И вот уже терзает уши  
Протяжный, влажный бомбы свист...

Я это видел – кровь пылала,  
И мост ссутулился сильнее.  
И мама...Как она рыдала!  
Судьба ведь сжалилась над ней.

#### **Июнь 1941 года**

В июнь ворвался вой метели.  
Сирены воздух леденят...  
Стрелять еще мы не умели –  
Шальное войско дошколят.

И мы еще не понимали,  
Что шли войска не на парад.  
Мы во дворах в войну играли  
И защищали Ленинград.

Но скоро мне пришлось понять:  
Случилось страшное –  
Впервые,  
Слез не скрывая, плачет мать.

#### **Звучала музыка во мне**

Звучала музыка во мне,  
Как помню, с малолетства.  
Но что-то чуждое извне  
В мое ворвалось детство.

То звуком лопнувшей струны  
Звучал разрыв снаряда,  
То барабанами войны  
Глушила канонада.

Я слышал музыку сирен,  
Распиливавших воздух,  
Крик тишины у бывших стен  
И метронома отзвук.

Потом побудки чистый тон  
Висел над ухом тонко.  
Казался мне отбоя горн  
Рожком в руках ребенка.

Я не оглох от канонад,  
Я слышу мирный город.  
Победу встретил Ленинград —  
И снова будет молод!

\* \* \*

Улица после бомбежки:  
Пламя, пожарные в касках,  
Стёкол разбитых серёжки,  
Мертвые будто бы в масках.

Горе разносится пеплом,  
Бусы осколков — как жало.  
Доктор в халатике белом  
На тротуаре лежала.

Зубы, зажатые болью,  
В небо испуганный взгляд,  
Щеки, залитые кровью:  
Ей не вернуться назад.

\* \* \*

Меня от стужи сберегла  
Надежда тёплыми губами,  
Дыханьем-струйкою тепла,  
Бессонными глазами мамы.



### Борис Селютин

\*\*\*

Всегда в засаде, вечно жди атак,  
Следи, никто чтоб не подкрался сзади,  
Ведь не театр мир наш, а бардак  
И не актеры люди в нем, а бляди.

\*\*\*

Нежданно пришла ты и рядом стала,  
Снова я вижу родные глаза!  
"Здравствуй, любимая, — тихо сказал я,  
И нежно, как мог, поцеловал.

А ты улыбнулась глазами карими,  
Глазами-звездами, губами алыми,  
А потом вдруг исчезла, растаяла,  
Милая, не уходи, подожди, прости...  
Я не успел самого главного...  
Я не смог рассказать как люблю!

\*\*\*

Все что-то делаю не то,  
Дорогу выбрал я не ту  
И, как водою решето,  
Наполнил смыслом суету...

Качусь, как шарик, под уклон  
Всё ближе дно, всё ближе дно  
Зеленый холмика газон,  
А может быть ещё одно?

В мир распахнётся вдруг окно,  
И вновь подъём, и вновь подъём,  
И воздух терпок, как вино,  
И шёпот трав: "Пойдем! Пойдем!"

\*\*\*

Уж не бурлит по жилам жизни сок  
И отовсюду сыплется песок...  
"Ах, осень жизни" — умиляются поэты,  
А я, глупец, шепчу: "О, юность, где ты, где ты?"

\*\*\*

Сижу, вздыхаю, глядя на часы,  
Кружится голова и тяжелеют веки,  
А рядом напряженно строчишь ты,  
Борясь со сном, рожаю строки эти.

Когда сквозь сон я слышу голос твой -  
"Вставай, уж 6 часов и накорми котов!" -  
Рискуешь ты, нарушив мой покой,  
С тобой, как с Дездемоной обойтись готов!

Послушай, дай доспать мне ночку эту!  
Пуста головушка и лишь слова поэта:  
"Жизнь моя, иль ты приснилась мне?!"  
Будто я весенней гулкой ранью  
Проскакал на розовом коне."

\*\*\*

Откуда вы приходите, стихи?  
Диктует что мне за строкой строку?  
Или напели утром петухи,  
Иль филин ночью ухал на суку?

С ума сходили над Десною соловьи,  
В лучах днепровских вечера тихи,  
И стынет кровь над черным оком полыньи...  
Зачем ко мне приходите, стихи?

\*\*\*

Я помню, как ты всхлипнула во тьме:  
"Такое счастье не бывает долго!..."  
Удар, полет — несёмся вновь к судьбе  
Мы — шарики Великого пинг-понга.

\*\*\*

Живи, расти детей, глядишь — уже и внуки.  
Будь счастлив тем, что есть, не ной,  
Не допускай к душе тоски и скуки,  
Не всё так плохо под луной.

\*\*\*

Постой, поэт, куда несёшься ты,  
У Бога в колесе ты не простая спица,  
Поэзия не терпит суеты.  
А он в ответ: "Покой нам только снится!"

\*\*\*

И радуюсь, но и скорблю,  
Лишь только нежный образ вижу,  
До боли в скулах я тебя люблю  
И столь же страстно ненавижу.

\*\*\*

Ну, хватит! Слышал! Да, не мачо, не ковбой,  
Не эстетичен, выражаюсь не этично!  
Что ты сказала?! Я?! Умён?! Хорош собой?!  
Как ты порой звучишь... Реалистично!



**Елена Щербакова**

### Спирали

Мы были наивны и так безыскусны,  
И всё нам казалось и дивным и вкусным.  
И даже в той жизни, суровой, советской  
Мы были красивы, курили по-светски.

Потом поумнели, слегка повзрослели,  
В охоте за мясом умолкли капли,  
Но в кухнях хрущёвских идеи витали,  
И мы обсуждали, что в тайне читали.

Потом нас учили Высоцкий и Визбор.  
Потом оказалось, что есть у нас выбор:  
Коль в пятой графе ты записан евреем,  
То Родину-мать можешь сдать не жалея.

И вот уж летят перелётные птицы,  
Летят в заклеённую ту границу,  
Чтоб жизнь у детей была лучше, чем наша,  
Чтоб рог изобилья и полная чаша...

И вроде добились всего что хотели:  
У деток всё славно. Они повзрослели,  
И строят свой мир уж по новым канонам,  
Не связаны крылья их старым законом.

Такие красивые, умные детки,  
Неужто из нашей вы выросли клетки?!  
Мы с гордостью смотрим на вас и с надеждой.  
Так было, так будет. Сегодня и прежде...

### Иммиграция

Что тут расскажешь об иммиграции...  
Приехав мы все пребывали в прострации:  
Небо чужое, чужой язык,  
Пища, к которой живот не привык.

Все на машинах, а я пешком  
Из трёх сортов выбирать молоко.  
Улыбки, вопросы "What's Up?", "How are you?".  
"Какое им дело?" себе говорю.

Всё это фальшиво, притворно, зачем?  
Как их помидоры, что пахнут ничем...  
Я помню, как папа был искренне рад,  
Когда вдруг услышал простой русский мат.

Но тут вспоминаю, как первой весной  
Цветами раскрасился город чужой,  
И пеной азалий сомнения смысл,  
И стал мне он близок, и стал мне он мил.

А дальше этапы большого пути:  
Купила машину годов тридцати.  
И в холод и в зной лезла я под капот,  
Но масло зальёшь, и машина везёт!

Я так уважала конька-горбунка,  
Я гладила руль и крутые бока.  
А он, умирая, совсем уж без сил,  
До бензоколонки меня докатил...

Потом были кондо и маленький дом,  
В котором сейчас вместе с мужем живём.  
Кусочек земли и четыре стены —  
Вы мной так любимы. Вы мне так нужны.

Года пролетели стремительно, вмиг,  
И русских уже не читаю я книг.  
И чтобы здоровье и время сберечь  
Английский вкрапляю я в русскую речь.

Когда-то уехав из прошлой земли,  
Мы Родину в сердце с собою несли.  
Но сердце моё прикипело вот здесь.  
А Родина что ж, она там, где мы есть...

## К предстоящей персональной выставке в США

**Александр Григорьев**

Родился 19 мая 1955 года  
в деревне Мазурки, Беларусь.

Член Белорусского союза  
художников.

Член Международного  
союза UNIMA.

Работает в области  
графики, живописи,

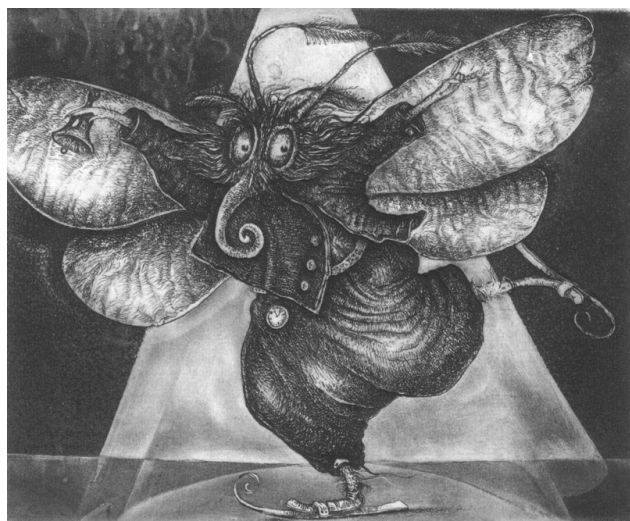
скульпторы и сценографии.

Произведения автора характеризуются  
аллегорическим образом мышления, пониманием  
жизни и бытия современников.

Работы А. Григорьева находятся в галереях и  
библиотечных фондах Беларуси, Сербии, Турции,  
Италии, Румынии, Польши, Греции, Чешской  
Республики, Болгарии, Испании, Великобритании,  
Испании, Мексики, Китая, США, России, Бразилии.



От хорошей жизни не полетишь, 1997



Моль калядная, 2003



Чикал ов, 1996



Художник, 2005



Создатель, 2006



### **Наталья Асенкова**

**Эмиграция и эмигранты**  
(Глава из романа “Принцы и Короли”)

Ей нравилась эта свобода — свобода ничегонеделанья, как нравится, например, тёплая вода в

ванне, где можно лежать, вытянув уставшие ноги и наслаждаться блаженным, заполняющим тело теплом. И она действительно вошла в эту свободу, также как в ванную, предварительно потрогав воду рукой. Она вовсе не бросалась в эту свободу, как в море, со смехом расплёскивая брызги. Нет, она тихо вошла в свою свободу и осторожно прилегла в ней, как в ванне, вот и всё. И ей это понравилось.

Сейчас она нигде не работала — сидела на пособии, которое выплачивается в Америке легальным эмигрантам, и хотя это было небольшое пособие одному человеку, ей именно, после её ощутимо стеснённой жизни в Ленинграде оно казалось очень даже приличным, потому что его вполне хватало ей на то, чтобы утолить голод щами и картошкой — пищей, к которой привыкли советские люди в северных краях России. Конечно, она скопила какие-то наличные деньги кроме пособия, потому что пока она оформляла его себе, она побывала в бебиситорах с проживанием в квартире у эмигрантов из России, молодой пары. Муж и жена, они выросли в Америке и считали себя американцами — обоих привезли сюда давным-давно, ещё детьми. Их родители эмигрировали в самом начале семидесятых годов. И вот она, Женя Белова, пробыла у этой пары в бебиситорах почти год, выхаживая их двухмесячную дочку.

Пока работала бебиситором — оформила пособие, а потом удалось снять квартиру на первом этаже маленького четырёхэтажного билдинга — теперь она жила здесь. А работа уплыла, потому что молодой супружеской паре жаль было платить деньги человеку со стороны. Экономя на всём, на чём только можно, они предпочли выписать дальнюю родственницу из рухнувшей в прошлое бывшей советской страны. Родственнице можно было не платить даже тех крошечных денег, которые платили они Жене Беловой, можно было просто помогать, то есть пудрить мозги и дать какой-то временный приют с явным намерением к эксплуатации. Молодые чётко метили экономить на богатство. Но это уже не касалось в конце концов Женю Белову! Она подготовилась к потере этой работы — она нашла себе крышу над головой. А в Америке, как и в Союзе — это

немало. Крыша над головой, даже если она протекает во время дождя — это всё равно крыша!..

Но у неё с потолка не текло — Женя жила на первом этаже. Стояла середина мягкого солнечного августа, какой нередко бывает в Нью-Йорке. И Женя Белова жила в своей квартире уже четыре месяца! Да, она радовалась этому прекрасному лету в её жизни, и этой свободе — свободе проснуться одной в своей постели тихим летним утром и широко открыть окно. В душную комнату её затхлои маленькой студии проникал прохладный воздух, свежий, ещё не прогретый первыми солнечными лучами, ещё не запятнанный полуденной духотой дня и не наполненный ещё шумной суетой вечера. За окном, совсем близко от окна студии, располагался обширный двор большого дома её уважаемых соседей — итальянцев. Двор был огорожен непроницаемой каменной оградой, но не слишком высокой, и с этой каменной стены тянулись к окнам студии, где жила Женя Белова, густые ветви фруктовых деревьев. Однажды утром прямо с дерева прыгнула на подоконник в комнату, через окно, маленькая, но сильная, рыжая кошка. Замерев на миг, она взглянула на Женю зелёными раскосыми глазами живой твари, одуревшей от свободной ночной гульбы, но готовой скорее защитить себя, чем ластиться к человеку, заглаживая свои кошачьи ошибки.

— Мя-у- ! — прохрипела кошка. — Мя-я-у — !!

И, осатанев от жуткой ночи, и спасаясь от утреннего света, настрадавшаяся кошка бросилась назад, в окно. После этого случая Женя Белова уже не распахивала окно широко, не потому, что не любила кошек или боялась их, а потому, что не хотела беспорядка в квартире, который могла натворить случайная гостья. Потому Женя, посвистывая, согревала на плите чайник — стеклянную колбу и, приготовив растворимый кофе, садилась с большой чашкой кофе в кресло у окна. Опустив белую тюлевую занавеску. Иногда белый лёгкий тюль чуть колыхался от ветерка. И было необыкновенно тихо. Стояла чудная, врачующая тишина нового наступающего дня. Женя Белова назвала про себя свою каморку кабинетом писателя. Ей удалось найти на улице, как раз неподалёку от дома соседей-итальянцев, небольшой письменный стол, лёгкий, не слишком обшарпанный, а наоборот, почти новый. Конечно, стол был из дешёвой мебели и, повидимому, вовсе не подходил к интерьеру богатого дома, вот его и выбросили, как вообще выбрасывают на улицу ненужные вещи и одежду в Америке. Вскоре Женя подобрала на улице и торшер, приладила его неподалёку от стола и чуть не заплакала от умиления! Жёлтый абажур торшера так радовал её взор! Письменный стол, да ещё и торшер в придачу! И эта тихая студия, совсем не дорогая! Да, Женя Белова теперь совершенно свободно могла считать себя



просто королевой! Ей, хотя бы в сорок два года, наконец повезло. Ведь должно человеку хотя бы раз в жизни по-настоящему в чём-то повезти! И Жене повезло.

Её жизнь вступила в Америке в такую фазу, когда можно сколько угодно обращаться мыслями в минувшее, не делаясь рассказами о прошлом ни с кем. И это тоже была свобода — свобода от навязчивого собеседника, который заглядывает в лицо и настойчиво выпытывает о настроении. Больше не надо было притворяться весёлой или серьёзной, набрасывая на лицо привычную мимику улыбки. Женя Белова жила одна, среди чужих ей, незнакомых людей, в чужой стране, где говорили на другом языке, и это тоже давало ей право на свободу — свободу мыслить на своём русском языке, резко индивидуально и совершенно секретно. Окружавший мир разделялся для неё сейчас на несколько слоёв. В одном из слоёв, в наружном, надо было каждодневно и по-бытовому просто жить, делая покупки в продовольственном магазине и посматривая газетные объявления, в поисках новой работы, а в другом слое, — просматривая себя и свою прошедшую жизнь, и в вечных своих душевных поисках ища ответа на выстраданный вопрос: как это вообще могло с ней такое случиться? И был ещё один слой, куда тянулась и постукивала о толстую стену недоступного её мысль о вселенской мистике и о том, что все мы, то есть люди, уже когда-то однажды жили на далёкой планете в прошлом, что мы в своём сознании уже прошли однажды весь путь человечества, что наши души — бессмертны, и что, возможно, бессмертны и души любой живой твари. Короче — от судьбы не уйдёшь!..

Итак, Женя Белова сняла с себя все и всяческие запреты, и по вечерам, случалось несколько дней подряд, принимала пятнадцать капель. Правда, через неделю ей надоело, потому что после спиртного она просыпалась ночью часто и пила воду-водку, как принято в России, закусывала селёдкой и солёными огурцами. Естественно, наступала жажда. “К чёрту алкоголизм, — решила Женя, — засыпаю перед телевизором, когда идёт неплохая передача. Нет, больше не пью — трезвость — норма жизни”. С виноватой улыбкой взглянув на себя в зеркало, она обнаружила, что морщины у глаз стали значительно глубже. “И как другие бабёнки и мужики пьют? — думала она. — Спиртное не вызывает во мне никаких эмоций, кроме глубокого, какого-то болезненного сна с жуткими сновидениями — то карлики, то удавы, то какие-то ящерки бегают! Пожалуй, если буду продолжать, дойду до белой горячки очень быстро и легко!” Больше она не притрагивалась к водке или вину, только иногда позволяла себе ликёр, добавляя ложечку в кофе. Даже старалась смерить точно — чайную ложечку, не больше! Свобода спиваться вызвала в ней вдруг отвращение и страх. Не хватало

только стать алкоголичкой! Она с удивлением обнаружила в себе прожорливость, тем более что по телевизору постоянно показывали рекламу американской Фэст-Фуд. Гамбургеры Жене, однако не понравились, и она купила мясной фарш и сообразила отличные котлеты с чесноком и луком. Котлет получилось много, потому что по старой союзной привычке она бухнула в фарш отменное количество булки — проблема продовольствия в Союзе воспитала в людях привычку к мелочной экономии, если не с целью богатства, то с целью утоления томительного и недостойного дрожания под ложечкой! Ну, это многим людям знакомое ощущение голодом, конечно, не назовёшь, но... А Женя Белова привыкла отдавать свою порцию пропитания мужу и двум сыновьям — мужской пол должен расти крепким! Теперь Женя жила одна и изо всех сил начала нажимать на пищу, ни на минуту не задумываясь о том, что может расползтись. В доме, где она работала бекиситором, её кормили неважно, она питалась всё это время только бутербродами и чаем, потому что молодые люди ели в разнообразных рестораниках, как многие американцы, совершенно не заботясь о приготовлении горячей пищи дома. Женя кормила девочку-малютку специальной детской молочной смесью, а сама довольствовалась яблоками, помидорами и апельсинами, которые находила в полупустом холодильнике. Правда, ей этого хватало — после разрыва с мужем и детьми, после этого крушения, девятого вала в её бедной, мученической жизни, аппетит у неё исчез. К тому же надо было подготовиться к одинокому существованию и скопить деньги на квартиру — заплатить за рент и депозит. И вот она преодолела этот барьер, и теперь обрела полную свободу пожрать вдоволь, тем более что ей платили пособие — продовольственные фудстемпы. Придя к заключению, что ей не надо занимать деньги у приятельниц, чтобы дожить до следующего дня выплаты пособия. Что она обязательно уложится в данную сумму, Женя так расхрабрилась, что даже купила себе печенья в синей жестяной коробке. Конечно, печенье было замечательное, рассыпчатое и ароматное, пахнувшее ванилью, но когда оно довольно быстро было ею съедено, Женя раскаялась — печенье, ясно, продаётся в магазине свободно да и ещё на сейле, никому не надо за коробку переплачивать сверху, как это было в Союзе, но всё-таки свинство ужасное — просто так, без всякого повода, взять и сожрать целую коробку песочного печенья! Да что это, в самом деле, праздник что ли какой-то? И разве можно себя так распускать? Печенье — не хлеб, а деньги всё-таки деньги. Не так уж много их скоплено! И можно спокойнее и свободнее чувствовать себя, кушая булку с джемом на завтрак! Булка с абрикосовым джемом, сливочным маслом и горячим чаем с лимоном! — Да просто вкуснятина, завтрак

принцессы. Если ещё к тому же добавить к завтраку полстакана апельсинового сока и кусочек сыра. А бананы? Дешёвые, покупай сколько угодно и ломай! И Женя моментально вспоминала очередь на Невском проспекте в Ленинграде — человек двести. Давали бананы, только килограмм в одни руки... Она вспоминала, как ездила с младшим сыном на юг, на Чёрное море, и как в поезде одна из её попутчиц, с которой они ехали в одном купе, дала своей дочурке полбанана, не угостив её маленького сына, хотя они накрыли обед в складчину, и как её сын отвернулся и стал глядеть в окно поезда, приученный ею не смотреть, что именно едят другие дети! Потом, правда, ему повезло, потому что один из мальчишек, с которым он подружился за время пути, щедро дал ему полбанана тоже, разломив свой пополам и заявив своей матери, что с друзьями надо делиться. Женя Белова одарила детского друга своего сына в ответ шоколадными конфетами — нет, бананы ей достать не удалось. Она была обыкновенная школьная учительница литературы, а не работник торговли, например, и всё ещё не была членом Союза писателей...

Итак, школьная учительница сняла с себя запреты, она вырвалась на свободу. Она теперь ходила в джинсах, постепенно привыкая к их удобству и с улыбкой вспоминала, что ей в Ленинграде в школу в джинсах приходиться было нельзя, так как учителям запрещалось носить на работу даже брючные дорогие костюмы! Женя носила теперь трикотажные летние брюки тоже, и так как её страстью всегда была косметика, то она купила теней для век и туши для ресниц даже больше, чем рассчитывала — не могла удержаться! Карандаш для век и тушь для ресниц она купила дорогие, французской фирмы “Ланкома”, и радовалась тому, что косметика прекрасно держится на лице с утра до самого вечера, совершенно не расплываясь. Но когда кто-то посоветовал ей в косметическом магазине купить недорогую американскую тушь для ресниц, антиаллергическую, “Нитоджину”, она купила её тоже, и, помня свою склонность к конъюктивитам, попробовала пользоваться тушью и осталась очень довольна. Вскоре Женя смело приобрела недорогую американскую помаду, накупила разного рода дешёвых американских теней для век, перестав вздыхать по “Кристиану Диору”. Хуже было с духами — хорошие стоили дорого! Но бродя по Манхэттену, она наткнулась на магазин, где продавали духи распечатанные, чуть пролившись из флакона — словом, не стандарт, но которым свободно можно было пользоваться. И конечно, Женя приобрела для себя пару флакончиков не без выгоды и не без своего рода экономии личного бюджета. Свободный рынок продажи помогал жить, протягивая скромным людям вполне чуткую руку помощи!..

И у Жени Беловой слегка отлегло от сердца. Она могла, оказывается, свободно существовать! И причём вполне славно! В этот период своей жизни она пристрастилась ходить по магазинам. Проезд в трейне стоил дорого, но она всё-таки иногда гуляла в Манхэттене, заглядывая на знаменитые, оформленные дизайнерами, витрины дорогих магазинов женской одежды. Конечно, Женя Белова не была больше провинциальной девушкой, впервые приехавшей в Москву или Ленинград. После двадцати лет жизни в Питере она могла свободно сравнивать эти витрины с легендарными витринами универмага Гостиный двор — нет, те были тоже очень броские и оформленные здорово позолочёнными бумажными розами и нежными фарфоровыми немецкими статуэтками, недоступными по ценам даже кое-кому их столичной профессуры, а может быть доступными только высшим чинам офицерства Военно-Морского Флота СССР. Или тем, пожалуй, кто служил в советском учреждении, когда-то именуемом справедливым органом ЧК. Ещё она подумала о том, что норковое манто или даже английский шерстяной костюм в Гостином всё равно выставили бы на один-два дня, потому что желающие купить нашлись бы очень быстро — дефицит не то что в витрине, но и под прилавком долго не залёживался! А здесь, в Нью-Йорке, сияла витрина “Американ дрим”. Дефицита не было, а были только деньги. Заходи и покупай, если хочешь, и если есть деньги и есть по какому случаю надевать такую вещь на себя, подчёркивая свою красоту и обаяние, и если есть, кстати, с кем пойти в этом наряде, чтобы тот, с кем идёшь, оценил твоё женское обаяние!

Одежду Женя Белова себе купила не такую, конечно, как “Американ дрим”, а нормальную, на каждый день, и ясно, что приобрела пару нарядных блузок. Они были выставлены в таких огромных количествах, эти разноцветные, разнофасонные, яркие американские блузки, что Женя смущалась в каждом магазине — что же ей купить? Можно было свободно выбрать здесь на любой, самый придирчивый вкус, тем более что магазины были совсем не дорогие, но очень и очень приличные. Она уже неоднократно встречала в такого рода магазинах одежды эмигрантов из бывшего Союза. Некоторые женщины покупали легкомысленно, хотя не были уверены в своих сбережениях. Может быть, то сказала привычка русских транжирить деньги на одежду подороже, чтобы подольше её пронести. “Мы не так богаты, чтобы покупать дешёвые вещи” — говорят англичанне. В бывшей стране Советов особенно любили это высказывание спекулянты, шеголяя им направо и налево и заламывая цены за какие-нибудь чешские босоножки или польскую сумочку. Но в Жене Беловой победила эту свободу выбора привычная серьёзность, и она купила себе то, что

было более приемлемо ей по цене, хотя и нравилось меньше, чем что-то другое. Она начала вылавливать в магазинах доступный всем эмигрантам, не имеющим постоянной работы, привычный не стандарт, — то есть одежду, где был небольшой демидж — оторвана пуговица или чуть разорвано по шву. Благодаря её внимательности, она купила по совсем низким ценам пальто и отличную курточку, в которой, вернувшись домой, легко починила внутренний кармашек, и купила ещё отличную полушерстяную юбку. Она радовалась своим покупкам и думала, что в Питере никогда бы не смогла за такой короткий срок так отлично одеться на такие вот, совсем небольшие деньги! И вдруг, обретя потерянную уверенность в себе, она купила пишущую машинку с русским шрифтом и пачку белой бумаги. Она поставила машинку на письменный стол — своё рабочее место, которое выстрадала для себя у жизни, и поместив наконец здесь, на рабочем месте, своё орудие труда — эту пишущую машинку, обрела на минуточку отчаянный покой. Она будет говорить и выскажется обо всём что знает, своему незнакомому читателю, пройдя вместе с ним через прошлое в настоящее и будущее.

И Женя начала вставать каждый день в пять часов утра. Да, это было её свобода — работать или не работать, говорить или не говорить! Она жила теперь в свободной стране, где можно было заходить свободно в католический храм или Русскую церковь или синагогу и проводить там целые часы. Никто не спрашивал её в Думском соборе, почему она сидит здесь на скамье и кем она работает. На неё лишь иногда бросали взоры и отворачивались безразлично. Она была чисто и красиво одета, и её лицо было спокойным. Губы, покрашенные помадой, были плотно сжаты, и глаза, подведенные карандашом, были сухими. Женя Белова была ещё красива и знала, что выглядит моложе своих лет, как и всегда, благодаря среднему росту, природной стройности и небольшому бюсту.

Итак, она легко и свободно вставала по утрам в пять часов, ничуть не страдая от звона будильника, призывавшего её к творческой работе. Женя выпивала свой кофе и садилась у открытого окна с тетрадь на коленях. Для неё начинался новый день. Она начала работать над историей жизни человечества. Она писала свой жестокий роман о легендарной стране Атлантиде, навсегда скрывшейся в волнах буйного океана. Она старалась осмыслить то, что было хорошего и что было дурно в той умершей стране...

### Александр Григорьев



*Постный день (бумага, карандаш. 2005)*



*Охотничий сезон (бумага, карандаш. 2005)*



## Алан Вейсс

### Гибель легенды музыки

*Алан Вейсс — обладатель восьми премий Эмми в номинации “Новостная журналистика”.*

*Первый из своих журналистских*

*“Оскар” автор получил за репортаж о гибели Джона Леннона.*

*Репортаж вёлся из отделения скорой помощи больницы Св. Луки, куда Алан был доставлен после дорожной катастрофы. Волею судьбы в ту же палату привезли смертельно раненого Джона Леннона.*

*Впоследствии об этом был снят фильм “The Lennon Report”.*

<https://youtu.be/icJQQ5ubvO0>

*Трейлер к художественному фильму “The Lennon Report”. Режиссёр Джереми Проф (Jeremy Prof). Вальтер Винцент (Walter Vincent) в роли Алана Вейсса (Alan Weiss)*

Одним из моих самых больших сожалений было то, что никогда не получалось увидеть Битлз на концерте. Тем более парадоксально, что теперь я оказался в самом необычном переднем ряду, какой можно себе представить. Джон Леннон находился так близко, что можно было протянуть руку и дотронуться до него.

Как и на многих людей моего поколения, творчество Леннона оказало на меня влияние, вдохновляя жизнь своей музыкой и лирикой.



*Манхеттен. Дом, где жил Леннон. 8 декабря 1980г.*

Теперь я смотрел, как истекает жизнь вдохновителя целого поколения. (На самом деле врачи сказали бы, что когда Леннон прибыл в больницу Св.Луки/Рузвельта, он был уже мёртв.)

Это произошло 8 декабря 1980 года. Леннон был застрелен несколькими минутами ранее Марком Дэвидом Чепманом в Манхэттене, у здания, в котором находилась квартира Леннона.

Всего за несколько минут до этого в мой мотоцикл врезалось нью-йоркское такси. Я был доставлен в больницу с подозрением на перелом бедра. Леннона доставили туда же с более окончательным диагнозом: несколько огнестрельных ранений груди.

Я прибыл первым и, пройдя предварительное рентгеновское обследование, лежал на каталке в коридоре. В это время медицинский персонал поспешил к Леннону. Четверо полицейских рысью несли его на носилках. Они положили Леннона в комнате рядом со мной. Конечно, я не знал, что это был Леннон.

Я был слишком занят собственными болями.



*Alan Weiss - in the 1980s - NY TV producer*

Пытаясь колнтролировать синкопированную пульсацию в голову и бёдра, я закрыл глаза после того, как врачи оставили меня, чтобы принять нового и более нуждающегося в помощи прибывшего.

Мой уютный мир рухнул, когда я услышал разговор двух оставшихся в палате полицейских:

— Иисус, ты можешь в это поверить? — Один полицейский пробормотал другому — Джон Леннон!

Ошеломлённый, я выпалил:

— Сэр, что вы сказали?

Они смотрели вниз, как будто вдруг заметив меня. Очевидно, им не понравилось то, что они увидели. Покрытый грязью в результате столкновения с превысившим скорость такси, которое протащило меня по асфальту целый квартал, я не был похож на уважаемого журналиста. Возможно, если бы я был меньше похож на подражателя оборванного ангела ада, а больше на пресс-производителя для ТВ, он бы вежливо ответил на мой вопрос. Этого мы никогда не узнаем.

Я ничего не сказал — крикнул он, и оба полицейских отошли.

Джон Леннон? Выстрел? Знаменитость славился тем, что ходил по улицам Верхнего Вест-Сайда без сопровождения фаланги телохранителей.

Нет, не может быть.

Я сильно ударился головой во время аварии. Очевидно, намного сильнее, чем я полагал. Полицейский, вероятно, вёл речь о каком-то местном драг-дилере по имени Джон Линден, или Лимон или Леон. Не Леннон.

Допрыгав назад, я сел на край моей каталки и посмотрел вниз через открытую дверь. Тело Леннона растянулось поперёк кровати. Голый и окровавленный, в окружении медицинского персонала, большая чем жизнь легенда, которая была Джон Леннон, смотрелся жалобно хрупко.

— Давай, Иоан... — журналист и агностик, каковым я был, я не мог не молиться — Ты можешь сделать это. Ты можешь вытянуть.

По сей день не знаю, молился я за него или для себя, боясь всё потерять.

Я достиг совершеннолетия с Битлз, больше, чем просто одарёнными музыкантами. Они были силой, что удерживала подростковый мир, раздираемый протестами в психодиллическом поиске шестидесятых, от погружения в хаос.



Эпицентром этого гравитационного притяжения была потребность любить Леннона. Мой личный гуру для обряда вхождения во взрослую жизнь.

Тем временем, как я смотрел... и молился, Нил по цепи продвигал на ABC известие, что продюсер 6 O'clock, очевидец, передал из больницы, что в Джона Леннона стреляли.

В ночь на воскресенье в прямом эфире был футбол. ABC не собирался ждать, чтобы написать копию и организовать специальный доклад в перерыве. Они позвонили ведущему спортивных новостей Говарду Соселлу. Прервав футбольных

комментаторов, Соселл сломал новости в мире.

Новости распространяются быстро. Плохие новости распространяются быстрее. Мировые новости отошли на второй план, надвигался мускулистый отряд безопасности. Охранники сходились в отделение скорой помощи. Кто-то указал на меня и в следующие мгновения я был увезён из чувствительно нервной обстановки медицинского центра в палату.

В Джона Леннона стреляли. Вполне возможно мёртв. В безрелигиозной иронии больницы зазвучала музыка "All My Loving". Песня едва закончилась раньше крика Йоко Оно: "Нет! Нет! О, нет!"

Невольно служба безопасности поставила мою каталку итменно там, где не хотели бы, чтобы находился журналист. Йоко Оно вывели мимо моей палаты через заднюю часть отделения скорой помощи в сопровождении друга семьи.

Вскоре после этого мой врач вернулся.

— Хорошо. Давайте взглянем на бедро.

Как будто она только что установила, что на окровавленном теле битла не работает сломанная рука.

— Он мёртв? — спросил я.

— Через полчаса там будет пресс-конференция.

Затем пресса получит уведомления.

— Доктор, вы не можете так поступить со мной! — Я умолял — С Джоном Леноном всё будет в порядке?

Конечно, я уже знал ответ. Но, будучи журналистом, я должен бвыл иметь подтверждение. Потребовались некоторые усилия, но я всётаки выпросил у неё "входную плату".

Когда она ушла, чтобы проверить мои рентгеновские снимки, я снова нпабрал телефон новостей: Джон Леннон, признанный движущей силой самого влиятельного музыкального коллектива нашего времени, был мёртв.

После этого всё остальное кажется размытым. Рентген показал бедро в прекрасном состоянии. Просто была контузия. Выйдя, я оставил относительную тишину больницы... И вошёл в водоворот журналистики, экипажей и камер.

Хотя врач приказал мне оставаться дома до конца недели, я был слишком вовлечён лично и профессионально, чтобы не пойти в отдел новостей на следующий день. Я должен быть одним из воспроизводящих события того вечера и обеспечить всеобъемлющий охват съёмки.

В то же время я мог залить своё горе, создавая не информационную программу, но дань великому человеку.

*(Перевод с английского)*



### ***Татьяна Мельничук***

#### **Где Бресту найти нового Варбурга?**

*В пограничном белорусском Бресте возвращают к жизни квартал необычных барачков*

Половину этой улицы напрочь переиначило время: глухая коробка гипермаркета, типовая “свечка” общежития. Выщербленный асфальт, впрочем, обещает продолжиться “брукованкой” — булыжной мостовой. Правда, пригодных для дороги булыжников в округе не осталось, придётся использовать стилизованный строительный камень.

Квартал обшитых деревом — непривычных в современном городе — домов с “закопанскими” изогнутыми крышами здесь появится через год. Если найдётся ещё один Варбург — щедрый филантроп и меценат.

#### ***Мемориальное место***

Имя банкира Феликса Морица Варбурга квартал получил около 90 лет назад, когда на средства благотворительной организации “Джойнт”, основанной братьями Варбургами и фондом Рокфеллера (American Jewish Joint Distribution Committee), в 1925-1927 годах здесь был построен жилой комплекс для бедных семей иудейской религиозной общины Бреста. Брест тогда был территорией Польши, и деревянный квартал возве ли в популярном тогда у поляков “закопанском” стиле.

Современные архитекторы рассматривают тот комплекс как целостный по архитектурно-образному и урбанистическому решению ансамбль, с максимумом доступных для своего времени удобств: 12 двухэтажных восьми-девятиквартирных домов, каждый из кото которых имел свой сарай для дров, уборную, мусорник, обеспечивали водой четыре вырытых колодца. В квартале были оборудованы пожарные гидранты, работали школа, мастерские, столовая, две прачечные и душевые.

С началом нацистской оккупации всех жителей квартала выселили в гетто, а в октябре 1942-го — расстреляли. Огороженный квартал служил лагерем для советских, а позже немецких военнопленных. После войны сюда заселили нуждавшихся в жилье.

Место до сих пор известно как “Колония Варбурга”, когда-то — окраина Бреста; нынче — тихий центр центр, с “островками” частных домов и палисадников.

#### ***Борьба за право быть***

Колония Варбурга” начала стремительно умирать десять лет назад: с отселением из обветшалых домов роптавших на “удобства во дворе” горожан, квартал облюбовали выпивохи и бомжи.

На месте разоренных обгоревших домов город готов был поставить пятиэтажку. Или еще общежития — для небогатых и приезжих.

“Но если строить бараки, то уж лучше по методу Варбурга — с максимумом соответствующего времени комфорта, интересным градостроительным решением и социальной функцией”, — убежден Владимир Казаков, научный руководитель исторического центра Бреста.

Попыткам обезличить город типовой, пусть и ультрасовременной застройкой здесь противостоит не только группа энтузиастов — историков, краеведов, архитекторов, активистов общественных организаций. Газета “Брестский курьер” регулярно взывает к памяти горожан, собирая на полосу-плакат сведения о живших в городе и причастных к истории Бреста людях. Один из таких плакатов (изданная серия не раз демонстрировалась в городе и соседних польских городах) рассказывает о Феликсе Варбурге и созданном его усилиями необычном брестском квартале.

Впрочем, споры о целесообразности и способах возрождения “Колонии Варбурга”, растянувшиеся без малого на десятилетие, судя по всему, еще не закончены.

В 2012 году министерство культуры Белоруссии признало памятником истории и культуры третьей категории только один из сохранившихся в “Колонии Варбурга” домов.

“О реставрации здания говорить уже поздно”, — вздыхает Регина Симоненко, представитель местной еврейской общины и председатель Брестского городского общественного объединения “Бриск”. “В доме, который как будто надлежит оставить, мы полезли на второй этаж с операторами. Было очень страшно — внутри все гнилое. Если подмазать, укрепить, подклеить — это будет не здание, это будет как хрупкий музейный экспонат — близко не подходить и руками не трогать. Этим домом пользоваться будет нельзя”, — рассказывает Регина.

“Бриск” рассчитывает получить в возрожденной “Колонии Варбурга” площади для размещения экспонатов о погибших в гетто жителях квартала и уничтоженных в годы фашистской оккупации в Бресте 30 тысячах евреев. Пока музей общины располагается в подвале одного из брестских домов.

#### ***Реконструкция вместо реставрации***

Уже решено: “Колония Варбурга” подлежит не реставрации, а реконструкции. Сломать и построить “по образу и подобию” взялась частная стойфирма

“Иконигрупп”.

Строитель с 44-летним стажем Валерий Андронович, от имени “Иконигрупп” ответственный “за всё” (статус понятен профессионалам и определен как сопровождающий проект от начала проектирования до завершения строительства), объясняет: старые фундаменты не выдержат новых стен и перекрытий; новые квартиры не подразумевают “удобств” на улице.

Кроме мемориальной зоны, запланированной для музейных экспонатов, это будет почти обычный городской квартал — с малоэтажной, правда, застройкой, без не вписывающихся в историческую правду гаражей (но с местом для автоплощадки), с палисадниками, клумбами, площадками для барбекю... Эдакий коттеджный вариант практически в центре города, о возможности попасть в который уже настойчиво спрашивают горожане.

Застройщик обещает практически идентичный “Колонии Варбурга” внешний вид обшитых деревом домов — правда, крытые гонтом (деревянными дощечками) крыши заменят на крыши металлические, что, по словам строителей, не противоречит исторической правде: некоторые дома старого квартала такие имели.

Предусмотрено, согласно старым снимкам, ограждение квартала с парадными и тыльными въездными воротами. Квартир, обеспеченных всеми современными благами, станет меньше, чем в старом проекте, но больше, чем могло бы вместиться в типовой пятиэтажке.

“Проектное предложение, которое сейчас осуществляется, пытается совместить уважительное отношение к старому и учёт нового. Чтобы сохранить характер, образ этой колонии, интересной по архитектуре и социальному назначению. Она, безусловно, ценна для города не только самими зданиями, но историей этого места. Надо дать возможность продлить эту жизнь”, — говорит один из инициаторов возрождения “Колонии Варбурга” Владимир Казаков.

### **Под угрозой остановки**

Спотыкаясь о старые пороги в поисках точки фотосъемки, я бормочу: “Гиблое дело!” Остовы полусгоревших зданий подпирает автокран. Строители понимают мою реплику по-своему и рассказывают, что за снос обветшалых полусгоревших зданий город потребовал компенсацию — здания всё ещё считаются собственностью городского коммунального хозяйства. Иконигрупп”, после неудачных попыток судебных споров, выплатила десятки тысяч долларов за четыре полуразрушенных остова. Пятый платёж — как говорят представители фирмы, “за воздух”, поскольку самого здания давно

нет, — всё ещё оспаривается.

На площадке кладут фундаменты и стены из строительных блоков, которые надлежит обшить деревом за счёт истекающих средств “Иконигрупп”.

Инвестиционный договор, заключенный с брестскими властями, не позволяет использовать средства граждан, желающих заселиться в этот квартал, пока привлеченные финансы не обеспечивают строительство на 70%.

“Колонии Варбурга” срочно нужен Варбург — иначе реконструкция остановится.

“Есть инвестор, который идёт с целью заработать денег; есть тот, кто приходит ради идеи и, может, с целью увековечить свое имя. Если бы к нам пришел инвестор, готовый помочь во имя идеи сохранения этого квартала — это был бы подарок судьбы. Ну, а если не такой — будем договариваться, найдем варианты, чтобы инвестор мог и свой интерес соблюсти”, — говорит Валерий Андронович.

“Мы хотим, чтобы в город не только вкладывали денежные средства, но чтобы инвестор привнес в город определенную культуру — торговли, градостроительства, архитектуры. То, что обогатит город, но при этом не разрушит наш городской менталитет, образ, сложившийся здесь усилиями многих поколений, исторические связи нашей городской культуры”, — замечает Владимир Казаков.

### **Надгробные плиты в казематах**

В пятидесяти шагах от возрождаемой “Колонии Варбурга” — еврейское кладбище. Вернее — пустырь. Разорение могил началось во время нацистской оккупации, но продолжилось и в “стабильные” советские годы. Камень с надгробных плит заселенные в старый еврейский квартал съёмщики социального жилья использовали для укрепления дорожек и водостоков — на стройплощадке нынче регулярно обнаруживаются обломки таких камней. Более полутора тысяч найденных плит и фрагментов надгробий общественная организация “Бриск” складировала в одном из казематов Брестской крепости.

Регина Симоненко, председатель “Бриска”, говорит, что среди собранного — 25 “бесхозных” надгробий времен Первой мировой, с именами немецких и русских солдат.

Еврейские надгробья могут вернуться в планируемый лапидарий и мемориал-инсталляцию на месте старого кладбища-пустыря. Проект мемориала брестскими архитекторами разработан. Дело почти за малым — нужны обладающие почтением к памяти предков потомки.

Или за банкиром Варбургом, желающим заглянуть в казематы Брестской крепости и воздать должное соплеменникам.



### **Людмила Криворуцкая**

**Посадка в Гандере** (по следам событий 11 сентября 2001 года)

*Вот уже прошло 14 лет со дня трагедии, но кровоточащая рана не заживает. Но от того, что творится сейчас в мире, порой трудно не впасть в отчаяние. Иногда сквозь чёрные тучи,*

*плачущее небо, пелену тумана прорывается лучик солнца, который согревает всех и порой появляется надежда, что не всё потеряно в этом запутанном мире, где воинствующие стороны не находят согласия.*

*В этом убеждает реальная история,*

Утром 11 сентября 2001 года авиалайнер американской компании Delta, выполнявший рейс номер 15 из Франкфурта в Атланту, находился над Северной Атлантикой в пяти часах лёта от пункта вылета. Внезапно из штаб-квартиры компании в Атланте порступила срочная радиограмма: всё воздушное пространство Соединённых Штатов закрыто для коммерческих полётов, и капитану авиалайнера надлежит срочно направиться на посадку в ближайший аэропорт. Ближайшим аэропортом оказался Гандер в канадской провинции Ньюфаундленд.

Экипаж начал готовиться к посадке. Тем временем из Атланты поступило первое разъяснение: несколько американских авиалайнеров угнаны воздушными пиратами. Во избежание паники на борту капитан решил до посадки не посвящать пассажиров в истинные причины изменения маршрута. Как объясняла бортпроводница, капитан объявил, что отказал один из приборов управления полётом, в силу чего он вынужден посадить самолёт в Гандере, чтобы устранить неполадку.

Самолёт приземлился в Гандере в 11:00 утра по вашингтонскому времени. На лётном поле уже находилось два десятка авиалайнеров со всего мира, которым пришлось поменять маршрут. И каждую минуту садились всё новые и новые самолёты.

Капитан взял в руки микрофон: “Дамы и господа, вы, вероятно, недоумеваете — неужели у всех этих самолётов, заполнивших лётное поле, отказал тот же прибор, что и у нас. Нет, причина в другом”.

Ответом были крики ужаса, люди отказывались верить в случившееся. Капитан сказал, что впредь до особого распоряжения все должны оставаться на борту. Спустя час на лётном поле канадского

аэропорта утром 11 сентября скопилось 38 самолётов, в том числе 27 американских. Тем временем по борт-радио стали поступать свежие новости и впервые экипаж и пассажиры узнали, что захваченные террористами авиалайнеры протаранили башни торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в предместье Вашингтона. Пассажиры пытались дозвониться домой по своим мобильникам, но безуспешно, поскольку в Канаде была другая система мобильной связи.

А вечером пришло сообщение, что башни-близнецы в Нью-Йорке обрушились и что в Пенсильвании разбился ещё один — четвёртый угнанный авиалайнер. К тому времени пассажиры дошли до крайней степени физического и духовного измождения, но на удивление сохраняли полное спокойствие.

В 6 часов вечера авиадиспетчеры поставили капитана в известность, что его очередь на разгрузку подойдёт завтра к 11 часам утра. Администрация аэропорта обещала тем временем предоставить медицинское обслуживание, если в нём возникнет необходимость, воду и туалеты. Пассажиры приготовились спать в самолёте.

Утром около 10:39 к самолёту подошла колонна школьных автобусов, началась разгрузка. Члены экипажа первыми покинули самолёт. Они прошли пограничный контроль и таможенный досмотр, зарегистрировались в местном отделении Красного Креста и были отвезены в маленький отель. Сотрудники Красного Креста сообщили им, что население Гандера составляет 10400 человек, которым предстоит как-то разместить у себя 8000 пассажиров авиалайнеров.

Члены экипажа авиалайнера Delta 15 узнали, что произошло с их пассажирами, лишь спустя два дня, когда американские аэропорты вновь открылись и они смогли вернуться на свой самолёт. Гандер и все окрестные селения (в радиусе 75 км) закрыли все средние школы, конференц-залы и все просторные помещения, превратив их в общежития. В одних были поставлены раскладушки, в других разложены спальные мешки с подушками.

Всем школьникам старших классов было предложено взять шефство над гостями. 218 пассажиров этого рейса оказались в городке Льюиспорт, в 45 км от Гандера, где их разместили в здании средней школы.

Тем из женщин, кто выразил желание спать отдельно от мужчин, была предоставлена такая возможность. Семьи были размещены вместе. Всех престарелых пассажиров поселили у себя местные жители.

Молодую пассажирку, находившуюся на тридцать третьей неделе беременности, приняли хозяева дома, расположенного напротив отделения круглосуточной



скорой помощи. Для обслуживания гостей вышел на постоянное дежурство зубной врач и весь средний медицинский персонал. Поскольку многие держали лекарства в чемоданах, которые остались в самолёте, местные медики тут же выписывали нужные рецепты, и в аптеке можно было бесплатно получить лекарства. Каждому из пассажиров раз в день предоставлялась возможность позвонить по телефону или отправить электронную почту в США или в любую другую страну мира.

Местные пекарни постоянно снабжали гостей свежим хлебом. Жители готовили пищу и доставляли её в места содержания гостей. По желанию пассажиров их кормили в ресторанах. Каждому из гостей были выданы жетоны для стиральных автоматов, чтобы они могли прстирать свою одежду. Сверх этого добрые хозяева как могли развлекали пассажиров, чтобы не дать им впасть в уныние. Их возили на экскурсии: одни совершали поездки по окрестным озёрам, другие ходили в пешие турпоходы по лесным тропам. Наконец, когда открылись американские аэропорты пассажиров привезли в аэропорт точно к назначенному времени. Пассажиры не могли сдерживать слёз, рассказывая эти истории членам экипажа. Когда они взошли на борт самолёта, впечатление было такое, словно они вернулись из круиза. Каждый знал всех других по имени, они обменивались воспоминаниями о своём пребывании в Льюиспорте, восхищались его жителями. Пассажиры слились в единую семью, обращались друг к другу, как к старым друзьям, обменивались номерами телефонов, почтовыми и электронными адресами.

В какой-то момент к бортпроводнице подошёл мужчина средних лет и попросил дать ему возможность обратиться к пассажирам. Он сказал, что было бы разумно создать специальный фонд под названием "Delta 15", который будет помогать школьникам Льюиспорта, оплачивая их учёбу в колледжах. Он предложил другим пассажирам жертвовать, кто сколько может в этот фонд. Когда была подведена черта, собранная сумма перевалила за 14000 долларов. Инициативный пассажир, который оказался врачом из штата Вирджиния, обещал удвоить эту сумму из своих собственных средств. В конечном итоге в трастовый фонд было пожертвовано свыше полутора миллионов долларов. На эти деньги 134 юных жителя Льюиспорта смогли получить высшее образование.

Благослови, Боже, таких людей, кто совершил эти поступки. Честь им и Хвала!

### Александр Григорьев



*Эрос, 2002*



*Весенний ветерок, 1999*



## Евгения Димер

### Малберри стрит

С наступлением весеннего тепла рано утром распахиваются настежь двери магазинов. Под железное урчание пробегающих невдалеке поездов торговцы выставляют напоказ всякую снедь. И вскоре радуют взгляд горки золотистых дынь, пунцовая крупная клубника и пирамидки румяных яблок и апельсинов. В ящиках — манящие рубиновые россыпи черешни. Сельди продаются прямо из бочек, а мясо перемальвают при покупателях. Над улицей волнами плывёт стойкий тяжёлый дух рыбы, смешанный с ароматом фруктов. И ещё что-то невидимое витает в здешнем воздухе — это весёлая общительность людей, приветливость и сердечность. Здесь все знают друг друга.

На Мадбери стрит есть и своя нищенка: тощая старуха — божий одуванчик. На ней побитая молью тёмная хламида и шляпка с остатком страусового пера, но она гордо несёт свою седую голову. Говорят, что кто-то из её предков был одним из пилигримов, причаливших к скале Плимут, поэтому к ней навсегда пристало прозвище Леди Мэйфлауэр. Продавцы верят, что она приносит счастье. Нищенка раз в день выходит на промысел: ткнётся то в один магазинчик, то в другой. Таинственно пришёптывая, отщипнёт, точно птичка, осторожно и аккуратно своими беспокойными, обтянутыми пергаментной кожей пальцами виноградинку или листок салата. В пекарне ей дадут булочку, а в мясной — кусочек колбасы или кости для супа.

У каждого своё обаяние. Особенно популярна “Королева моря”. В глазах усатого, похожего на моржа, сутулого Боба всегда светится доброжелательность.

— Джо, что ты возьмёшь сегодня — карпа или треску? — приятным баском обращается он к лысеющему кряжистому мужчине, возле которого крутится шустрый сынишка. Мальчик надоедливо рывками тянет отца за полу и ноет:

— Ну купи же, пап... Хочу сегодня... Купи...

— Чего парню так срочно захотелось? — весело обращается к мальчику Боб.

— Он у нас — Иегуди Менухин. Скрипку ему захотелось, — отвечает за сына Джо. — И зудит без конца. Но сегодня на аукционе скрипок не было. — он разводит руками с рыжими, как бы восковыми мозолями, надавленными машиной для натирания полов.

— Ах, эти дети. Осенью мой старший в колледж пойдёт. Как мне справиться одному?

— Уж я-то знаю, что значит колледж, — сочувствует хозяин. — Много рыбки через этот магазин уплыло, пока выучился сын на доктора.

— А вы чего желаете, профессор? — спрашивает он пожилого господина с мрачным лицом землистого цвета. — У нас сегодня форель отменная.

Покупатель, жуя губами, выбирает рыбку и ворчит наставительно вдогонку отцу и сыну:

— Мальчик уже большой, а невоспитанный. Дети беспрекословно должны повиноваться родителям.

В магазин вбегает красивый итальянец, шофёр Джузеппе. Его волосы, причёсанные “на пробор”, лоснятся от бриллиантина, — вылитый Рудольфо Валентино. Он ставит на пол большую коробку.

— Купил на аукционе, — хвалится он, — небьющаяся посуда, но не из пласмассы. Вот жена будет довольна!

Аукцион здесь же, рядом. В небольшом зале перед пропитром ровными рядами сидят люди. А в задней комнате... Чего только нет. Все эти вещи — заслуженные ветераны, хранящие шрамы и увечья от столкновений с множеством поколений людей. Среди мелкого хлама — люстра Тиффани с несколькими выбитыми стёклышками, корявые ножи и вилки и даже колокол без языка. Но есть и мебель, порой поистине музейная. И все это равномерно припудрено белесоватым, тусклым слоем пыли.

Из зала аукциона выплёскивается скороговоркой: — Картина маслом, в позолоченной раме! Семьдесят долларов. Семьдесят долларов — один! Семьдесят долларов — два! Семьдесят долларов — три!

Слышится громкий стук деревянного молотка: кто-то осчатливлен панорамой битвы Гражданской войны.

Под вечер в “Королеву моря” впархивает, словно бабочка-капустница, вся в белом молодая русская эмигрантка Шура: кудри рассыпались от быстрой ходьбы, солнечное свечение в глазах и рокошущий выговор.

— Получили работу, мисс? — заботливо спрашивает Боб, раскладывая на льду желтобрюхих окуней.

— Пока нет, — грустно отвечает девушка.

— А ваш жених всё ещё в “отказниках”? — безбожно коверкает он чужеземное слово. (Шура ему уже объяснила, что оно значит, как слова “диссидент” и “ОВИР”. “Интеллигентка с большими запросами”, — думает он о ней.)

— С вас полцены, пока устроитесь, — Боб подаёт ей счёт и приветствует проходящую мимо Леди Мэйфлауэр. Та отвечает ему детской улыбкой и что-то невнятно мычит.

На следующей неделе в “Королеву моря” те же

знакомые лица.

— Безобразие, — негодует Джузеппе, — моя небьющаяся посуда оказалась сущей дрянью.

Глаза присутствующих округляются от любопытства. Итальянец забавно изображает, как уговаривал жену, чтобы она бросила тарелку на пол — “тогда она увидит чудо”. Тарелка летит и...

разбивается вдребезги. За ней — вторая. Он, не веря своим глазам, сам бросает чашку и блюдечко. И вновь разлетаются со звоном осколки. “*Mamma mia!*” — схватившись за голову, жена смотрит на черепки.

Джузеппе смеётся, смеются и все в магазине.

— Как дела со скрипкой? — спрашивает Боб входящего полотёра, сгоняя с прилавка муху.

— Наконец купил, старенькую, — отвечает Джо, — правда, не Страдивари, но мой сорванец в восторге.

Проходит ещё какой-то месяц.

— Мне повезло, — радуется Джо, — моего старшего сына приняли в колледж со стипендией, теперь младший сможет брать уроки музыки.

— Вижу, мисс, у вас хорошие новости, — приветствует итальянец сияющую Шуру.

— Я нашла работу в большой компании, — улыбается она.

— А как с разрешением на выезд у вашего жениха?

— Всё ещё в “отказе”, — у девушки между бровей ложится морщинка.

— Теперь в советском руководстве перемены, возможно будет другая политика, — говорит Боб.

— Ничего не изменится, — отвечает Шура. — Там новый лидер — это только новый всадник на старой, заезженной лошади.

— Вот курьёз! — восклицает Джузеппе. — Америка готова брать всех русских эмигрантов, да их не пускают. Если бы всех итальянцев принимали в США, половина Италии сюда бы переселилась.

— Если бы из России выпускали, там осталось бы одно начальство, — говорит Шура...

На Малберри стрит люди живут дружной семьёй. Здесь всем уютно. Такие улицы есть во многих городах, но это уже уходящая Америка. На смену маленьким магазинчикам приходят огромные супермаркеты, блестящие чистотой и безукоризненными пластиковыми упаковками. В них всегда стоит запах дезинфекции и даже в жару — арктический холод. Там нет мух и собак, но нет и тёплых, душевных отношений, согревающих сердце, и в долг никому не продают.

## Александр Григорьев



Председатель, 2001



Дожинки, 2006



## Людмила Лангборт

### Госпожа X

(Глава из книги "Welcome to America" Дневник иммигрантки или обращение к небесам)

"Четыре года мать без сына"...  
Эти строчки стояли у меня в

ушах. Песня из времен войны...

Войны нет, двадцать первый век, и даже не время первой эмиграции, когда, уезжая куда-либо и покидая родину, люди знали на что они шли, знали, что, возможно, никогда не увидят родных и близких.

Уезжая в Америку и забирая с собой стариков родителей, я в страшном сне не могла предположить, что они не увидят сына, моего брата, девять долгих лет!

"К сожалению, мы вынуждены отказать вам во въезде в США, потому что вы не доказали, что вы там не останетесь." — такова была причина отказа моему брату в туристической визе. Четыре раза! Заметьте, в туристической визе, чтобы повидаться с родителями. И это несмотря на письма из госпиталей по поводу инфарктов, инсультов и операций на сердце моих родителей, их слёзные письма с отчаянной просьбой перед смертью увидеть сына и ходатайство конгрессмена. Конгрессменам своим они тоже не верят.

После второго отказа моя мама слегла совсем и уже почти не вставала. Ко всем болячкам добавилась страшная тоска и мысли, что никогда больше не увидит сына. Скайпа тогда ещё не было.

Чему она должна была радоваться? Зачем и почему она должна была быть оптимисткой? За что она должна быть благодарной этой стране?

Советский коммунистическо-фашистский режим отнял у неё отца в тридцать седьмом. Он был еврей австрийского происхождения. Мы до сих пор не знаем, где его могила...

Американский демократический режим лишил ее сына.

Что? К сенатору обратиться? Говорят, помогает? Обращалась. Была тут у нас сенатор одна на букву X... Нет, то что вы подумали, это вообще-то совершенно правильно, но имя у нее такое, на букву "X" начинается. Хиллари ее зовут. Да, да, та самая. На тот момент она ещё сенаторшей была.

Уж как я ее жалела, когда Моника со своим платьем и мужа её, и Хиллари эту самую, и вообще весь американский строй опозорила. Уж как её уважала, видя как она держится, когда Биллу, блину её законному, импичмент прозрит, а она сидит с

непроницаемым лицом в первом ряду вместо того чтобы волосы на себе или на нём рвать, да в подушку рыдать. Она ещё и выгоду из этого извлекла, издав книгу и заработав десять миллионов на похождениях своего муженька, ох, как хочется сказать другое слово!

Не только я, видно, её уважала, раз её после этого — прямиком в сенаторы, а потом и в президенты.

Подумали, раз Билл ничем, кроме как в игрушки в овальном кабинете играть со стажёрками не занимался, пусть за него жена отработывает теперь. Между прочим и Билла я в то время уважала. Нет, не за то что жене рога наставил, это их семейные трудности. Меня они ну никак не касались. Просто я всегда говорила, если вся страна полгода, не отрываясь от экранов телевизоров, компьютеров, газет и журналов, следит за развитием исследования пятна на Мониковском платье, в этой стране — всё хорошо! Это — поистине великая страна, где царит мир, покой и благополучие.

Короче, как только эту X сенатором сделали, я прямиком звонить в её офис. Недели две-три я пыталась договориться с автоответчиком, который каждый раз просил меня оставить свое сообщение и торжественно клялся, что мне немедленно перезвонят. Звонила я по несколько раз в день, столько же оставляла и сообщений. На третьей неделе, не выдержав, я стала рыдать в телефонную трубку, вопя, что это вопрос о жизни и смерти, жить мне осталось пять минут, и это будет на их совести. Конечно, перезвонили. Нет, не через пять минут. Нет, не через пять часов. Через пять дней. Сказали: ждите, вам придёт пакет с инструкциями.

Ещё через пару недель из офиса госпожи X пакет пришёл. Там был список на три листа, что я должна послать, как доказательство, что моему брату Аркадию надо в Америку с исключительно одной целью — увидеть родителей, и ни в коем случае не остаться здесь для постоянного проживания. Потому как ВСЕ, по мнению американских органов, мечтают жить в Америке.

Кто живёт в Америке, тот поймёт.

Многочисленные справки, бумаги, фотографии семьи. Это, чтобы доказать, что у него крепкая и дружная семья, и не собирается он её бросать ради жизни в Америке. Фотографии должны были выглядеть так, чтобы с первого взгляда было понятно, что мой брат человек вполне состоятельный, каковым на самом деле он не являлся, чтобы каждому было видно с первого взгляда, что в Америке ему делать нечего, его и в России неплохо кормят. Ну, не миллионер мой брат. Простой российский труженик. Заслуженный учитель России. Но это не повод для жгучего желания остаться в Америке. Просто простым российским людям тоже надо увидеть родителей, не

только миллионерам.

Что тут началось! Советы друзей и знакомых сыпались со всех сторон. Он должен сняться на фоне своей машины, которой у него отродясь не было, и они бежали сниматься на фоне правительственного лимузина. Они должны сняться на фоне дачи — слава богу у дочери с зятем есть дача, и смотрится она, дача эта, очень здорово, даже по американским понятиям.

Вокруг настоящего русского сруба зелёные альпийские луга, которые, по крайней мере судя по фотографии, все — их владения. Жена, дочь с зятем с двумя близняшками-очаровашками, сын с женой и тремя дочками. А главное, это подтвердили даже в организации, которая теперь является посредником между рвущимися попасть в Америку и американским посольством, самое главное — это на переднем фоне непременно должна быть собака. То есть вообще-то, жена через сорок лет семейной жизни может надоест, дети взрослые живут своей жизнью, а папа и бабушка — тью-тью и в Америке на постоянку, один. Но вот собаку, по мнению сентиментальных, в их понимании, американцев, бросить нельзя.

Моему брату так и объяснили в посреднической фирме, что умирающие старики родители для американцев не причина, вот если бы, например, большую собаку надо было вывезти на лечение...

Собака была! Не одолженная у соседей, своя! Так, собаку на руки — смотрим преданно ей в глаза, чтобы все сразу поняли, собаку на Америку не променяем. Или так: Собаку на Америку? Ни-ког-да!

Так, с женой — в постель, и — на камеру, чтобы никто не подумал, что сорокалетний брак был фиктивным, дети нажиты на стороне, внуки вообще неизвестно чьи.

— Что, Аркадий, что ты звонишь в ужасе ночью? Вспомнил, что квартира не только тебе принадлежит? А кому ещё? Не коммунальная же она у тебя, по закону приватизированная, в центре самой столицы. Что, жена прописана, ну это не беда, это только доказывает дружность семьи. Что, дети? Это уже хуже, этого американцы не понимают, как это, взрослые дети с родителями на одной жилплощади?! Что, теща прописана?! Ну это уже ни в какие ворота! Никаких тещ на одной жилплощади! Теща, дети, собаки, да тут любой в Америку сбежит. Это получается не доказательство, а совершенно обратное, антидоказательство какое-то. Сейчас что-нибудь придумаем. Убить? Нет, пусть живёт, нечего грех на душу брать. Выписать! Немедленно выписать. Да не собаку, тещу!

Сколько денег на книжке? Да, негусто. Срочно — по всем друзьям, родственникам и соседям — все личные и общественные деньги — на книжку. Даже если по второму кругу пройдемся, не хватает суммы, которая доказала бы американскому посольству, что моему брату незачем рваться в

Америку кроме как с исключительно одной целью: повидаться с родителями, хоть одним глазком посмотреть стариков перед смертью, порадовать и обратно, к жене, детям, сберкнижке и собаке.

С каждым днем документов собиралось всё больше и больше, папка росла не по дням, а по часам. Новое ходатайство конгрессмена было опять приложено.

Да не просто ходатайство, а гарантия конгрессмена Соединенных Штатов Америки, что ровно через две недели мой брат вернется в свою страну и в свою семью, под его, конгрессмена, личную ответственность.

Конгрессмену не поверили.

Письмо президента фирмы, где я работала, было приложено. Президент уважаемой американской компании, американский миллионер, в конце концов, который исправно платит налоги за себя и свою фирму, ходатайствовал за меня и за моего брата, гарантировал, под свою ответственность, что мой брат вернется, вернется, вернется на свою богом проклятую родину из страны где в настоящее время проживали его родители. Президенту фирмы не поверили так же.

Было приложено письмо моего отца. Мои американские коллеги плакали, читая его. Они говорили мне, что любой человек, если он человек, конечно, не сможет сдержать слёзы, прочитав, как двое стариков в чужой стране умоляют хоть одним глазком увидеть сына и умереть спокойно.

По закону, имея официальный статус пребывания в стране, мы имели полное право подать прошение, чтобы мой брат по официальному статусу мог въехать сюда на постоянное жительство. А так как родство у нас прямое, ему бы не могли отказать. Мы могли бы это сделать уже сорок раз. Мы могли бы это сделать... но с одним условием, если бы мой брат с семьёй действительно хотел бы жить в Америке. То, что он никогда не подавал прошения на выезд на постоянное место жительство, и мы никогда не ходатайствовали за него, это ли не доказательство?! Если человек не хочет приезжать сюда по законному статусу, имея все права и бенефиты, такие как: медицинская страховка, пособия, пенсия и всё такое прочее неужели человек захочет приехать и остаться здесь нелегально, чтобы не иметь ничего: ни денег, ни пособий, ни медицины, ни статуса, ни даже права устроиться на работу?! То есть быть беглым нелегальным преступником в то время, как он имел право на всё. Это было, по моему разумению, самое веское доказательство, но и оно не помогло. Оставалась одна надежда — госпожа Х.

Через пару недель после отправки неподъёмного пакета пришло историческое письмо, которое я храню до сих пор. Это был очень ценный документ. Письмо, подписанное лично госпожой Хиллари Клинтон. В этом самом письме госпожа Х благодарила меня за оказанное ей лично и штату её сотрудников доверие,

обещала доверие это оправдать в ближайшем времени и выразила надежду на скорейшее разрешение моего вопроса. При этом она также сообщала мне, что сотрудники её команды свяжутся со мной soon, что означает скоро или очень скоро. И её бесценная подпись!

Клише, конечно, но я, по наивности, считала, что люди, которым важная персона доверяет ставить клише с его или её подписью, выступают как бы от имени этой важной персоны и отвечают за слова и действия, которые они совершают от имени и по поручению....

Я была не права. Впрочем, как всегда.

Кто живёт в Америке, тот поймёт.

Через полгода, поняв, что все мыслимые и немыслимые сроки, обозначающие слово “soon” истекли, я попыталась снова звонить в офис, чтобы назначить appointment и попасть на приём, ну если не к самой госпоже Х, то хотя бы к помощнику её пятнадцатого помощника.

Я была доведена уже до отчаяния, я уже не надеялась ни на какие результаты, но зная, что отрицательный результат — тоже результат, я уже согласна была получить даже его. Извините, мол, но помочь ничем не можем, не бывает вашему брату в Америке. Вдруг он здесь на нашего президента покушение надумает сделать или чего-нибудь там ещё, да по любой причине или без таковой вообще.

Месяц попыток дозвониться в офис госпожи Х на этот раз результатов не принес. Я решила на последний шаг. Я поехала туда. Я понимала, что никто меня туда не пустит, что, в лучшем случае, меня оттуда выставят, в худшем — загребут в полицию.

Муж сидел на работе, как на иголках, и рассказывал сотрудникам, что жена пошла штурмом брать офис госпожи Х. Сотрудники восхитились моим мужеством, пожали руку моему мужу, спросив, где берут таких жён, которые на коне в горящую избу... брррр, в офис госпожи Х, на амбразуру с голой грудью, короче. Отойдя, наверное, покрутили у виска и мужа втихаря пожалели, потому как они, я думаю, уже про свою демократию всё давно знают, но вслух всё равно восхитились.

Тем временем я, в вестибюле билдинга, где находился офис сенатора, пыталась объяснить секьюрити, что лично госпожа Х написала мне письмо и обещала связаться со мной soon.

Видимо для охранника слово “soon” означало то же, что и для меня. А значит скоро, потому что он не поверил мне, сказав, что госпожа Х не могла такого написать, так как она уже недели две заседает в Белом доме и в своём Манхэттенском офисе не появляется.

Госпожа Х была сенатором от штата Нью-Йорк, Но вполне понятно, что большую часть своего рабочего времени она находилась в Вашингтоне, якобы защищая права жителей Нью-Йорка.

В Нью-Йорке же работала её “команда”, члены которой и должны были мне помочь.

Тогда я объяснила охраннику, что он, так же как и я, неправильно понимает значение слова “soon”, совсем это soon не означает две недели. В доказательство я показала ему письмо, датированное семью месяцами назад. Он двумя пальцами взял это письмо, прочитал, посмотрел его на свет. Увидел водяные знаки, затем внимательно изучил конверт. Проверив штемпель отправления. И даже зачем-то обнюхал его. Убедившись, что конверт, а так же его содержимое — подлинное, он сжалился надо мной и позвонил наверх, в приёмную госпожи Х, попросив кого-нибудь спуститься.

Спуститься обещали soon. Час я стояла на ногах. Так как сесть было некуда. Я боялась отойти на секунду, и каждый раз, когда распаивалась дверь очередного лифта, я с вожделием ловила взгляд выходящего, пытаюсь угадать, не по мою ли это душу. Когда прошло ещё минут двадцать-тридцать, я стала носиться по вестибюлю, как загнанный зверь в клетке. У меня болели ноги, начинали литься слёзы. Видимо, мои метания изрядно надоели охраннику, и он опять позвонил наверх.

— Soon, — опять ответили ему. Ещё через два часа после очередного “soon”, я уже рыдала в голос, рассказывая охраннику мою историю, сидя на корточках на полу. Стоять я уже не могла, метаться тоже. Охранник пожалел меня в очередной раз и позвонил снова. Он объяснил, что после трёх часов ожидания баба уже неменяемая, как бы чего не натворила. Имелось в виду с собой, потому что там я натворить ничего бы не смогла всё равно. Как раз в тот день проходил какой-то форум, ожидалась демонстрация антиглобалистов, поэтому полиции около сенаторского здания и в самом здании было больше, чем самих антиглобалистов.

— Уже совсем pretty soon, — ответили ему, ну то есть совсем уже скоро. Ещё примерно минут через сорок после этого ко мне вышел член той самой команды. Он оказался очаровательным на вид интеллигентным юношей. Красавчика звали Арон. Он объяснил мне, что он — стажёр, который работает там всего две недели и ничего, ни законов, ни правил не знает. Я спросила его, зачем он тогда пришёл, да ещё более чем через три с половиной часа. Оказывается, два или три часа у команды госпожи Х якобы ушло на то, чтобы найти мое “дело” и полчаса на совещание.

Ну а как же, надо же было рассмотреть фотографии моего брата в постели с женой, а также с собакой было и тещей, удостовериться, что машина — не фуфло, а дача — из настоящего дерева, в Америке таких не строят, это дорого. Короче, через три с половиной часа они пришли к вердикту, что никаких препятствий по моему делу нет и послали Арона это сообщить. Он так и сказал: “There is no obstacle”.

— И что дальше? — с надеждой спросила я.

— Дальше вы должны получить ходатайство госпожи Х для посольства soon, — сказал Арон, повторив при этом раз десять, что он — стажёр, ничего не знает и ни за что не отвечает.

Этого никогда не случилось.

Перед самой смертью, когда ей только удавалось с трудом открыть глаза, мама увидела-таки сына благодаря стараниям конгрессмена и его верных помощников. Перед самой смертью... А могло бы это радостное событие произойти гораздо раньше... Девять долгих лет до того, как они увиделись, в чужой стране, прикованная к постели, она молила только об одном...

Я даже не знаю была ли она счастлива, увидев его наконец. По моему у неё уже просто не оставалось сил. Папа умер через год после маминой смерти... Я не ропщу, так как знаю, что “soon” похиллариклинтоновски означает “никогда”. Кто-то никогда и не дождался.

Как раз после тех событий госпожа Х баллотировалась в президенты Америки. Скажу честно, я паковала чемоданы: либо возвращаться в Россию, либо искать убежища на необитаемом острове, когда я поняла, что возможность её президентства не миф, а вполне может стать реальностью. У меня не было больше вопросов ни к госпоже Х, ни к Американскому посольству в Москве, ни к Американскому правительству, пожалуй, кроме одного, да и то не к ним. К избирателям.

Я прекрасно понимаю, что ни конгрессмены, ни сенаторы не могут заниматься проблемами каждого, да ещё такими мелкими, как моя. Но у них есть штат, люди, которые должны и обязаны этим заниматься. Люди, которые обязаны, если не помогать, в случаях когда помочь нельзя, то хотя бы писать официальные письма с отказами, пусть даже и без объяснения причин.

Помощники конгрессмена боролись за мою семью и за семьи каждого, кто обращался к конгрессмену за помощью. Я не говорю про всех конгрессменов, я говорю про конкретного конгрессмена Вито Фосселло. Он набрал в свое время такой штат, который действительно делал очень многое для людей, попавших в беду.

Он был республиканец. Но мне всё равно, кто он был — демократ, республиканец, белый, чёрный, голубой... за кого он был, за красных или за белых.

Где бы он ни баллотировался, куда бы он ни баллотировался, я, зарегистрированная демократка, всегда бы голосовала за него.

И не надо республиканцам кидать в меня помидоры за то, что я — демократка, и не надо демократам кидать в меня яйца за то, что я голосовала бы за республиканца.

Я много лет наблюдала, как работает его офис. Увы, времена изменились, и Вито Фосселла баллотироваться уже никогда и никуда не будет.

Одна отрада, что госпожа Х не стала президентом. В первый раз... не стала. Одна мысль о том, что может ещё стать, повергает меня в трепет... Надо сказать, имеет шансы быть. И не просто быть, а быть Президентом! Государственным секретарём США она уже побывала. Не мне судить.

У сенаторов штат сотрудников гораздо больше, чем у конгрессменов. Но если сенатор не может или не хочет заставить своих подчиненных, сто, двести или тысячу человек, работать, имеет ли право такой сенатор баллотироваться в президенты, и как он, а вернее, она собирается заставить работать Конгресс, Сенат, Белый Дом... и управлять такой страной, как Америка?!

**Александр Григорьев**



*Наездница, 2003*



Уважаемые авторы и читатели Big Open World Magazine.

Во время проведения юбилейного фестиваля журнала публика задавала вопросы о читательском контингенте издания. На страницах Big Open World Magazine публикуются произведения авторов различных возрастов и взглядов. Читатели у нас так же разные, и по возрасту, и по убеждениям.

Объединяет нас стремление к свободе выражения, неприятие диктата и цензуры.

Число друзей BOW прибывает и мы рады делиться с вами информацией о предпринимаемых шагах по популяризации нашего журнала. Основная форма общения — это встречи с читателями, лекции и беседы.

Особое место занимает работа со студентами. Отзывчивый, остро реагирующий на события контингент напрочь разбивает устоявшееся мнение об аполитичности современной молодёжи.

В качестве иллюстрации к этому утверждению мы публикуем статью из газеты “The Equinox” о визите нашего редактора в Университет Fairleigh Dickinson в Нью Джерси.



Лекция “Коммунизм, фашизм, тоталитаризм”

### Визит автора в изгнании в Fairleigh Dickinson Университет

Владимир Гутковский, автор из Беларуси, недавно посетил с визитом cross-cultural perspectives класс. Разговор шёл о коммунизме и фашизме — обе темы широко обсуждались на курсе.

Гутковский, который сейчас живёт в США, уехал из Беларуси после попыток публикации отдельных книг о угрозе коммунизма и фашизации правящей верхушки этой восточноевропейской страны.

Официальные власти не были доброжелательны к писателю, ставшему на трудный путь политического противостояния, воспринимая точку зрения Гутковского, как угрозу. Книги автора в Беларуси не публиковались.

По прибытию в Америку Гутковский присоединился

к нескольким организациям, предоставляющим авторам в изгнании возможность опубликовать их книги и быть услышанными.

Одна из организаций это — Международный Р.Е.Н. Клуб. Гутковский — один из дюжины авторов в изгнании, кто продолжает писать в Америке. Также он главный редактор журнала “Big Open World”, в котором публикуются работы других, находящихся в изгнании, писателей.

Недавно одна из книг Гутковского переведена и издана в Америке. Это художественно-исторический роман “Это ты, моя зорька ясная”, о коммунистическом реванше в Беларуси — маленькой европейской стране, президентской республике, включающей в себя президента, премьер-министра и национальное собрание.

Sean Folger

“The Equinox” (перевод с английского)



Фото на память





### **Станислав Шухевич**

**Беловежская пуща, Вискули,  
7-8 декабря 1991 года.**

*(Отрывок из книги “Моя жизнь,  
крушение и воскрешение СССР”)*

*“Мы, Республика Беларусь,  
Российская Федерация (РСФСР),  
Украина как государства-  
учредители Союза ССР,*

*подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее  
именуемые Высокими Договаривающимися  
Сторонами, констатируем, что Союз ССР как  
субъект международного права и геополитическая  
реальность прекращает своё существование”.*

*“Деятельность органов бывшего Союза ССР на  
территориях государств — членов Содружества —  
прекращается”*

*(Соглашение о создании Содружества  
Независимых Государств)*

В декабре 1991 года Советский Союз продолжал по инерции оставаться страной, где большинство продолжало думать одно, говорить другое, а делать третье. Откровенничали больше, чем в хрущёвские, брежневские или андроповские времена, но на самое “святое” — на страну — не замахивались. Принятая в октябре 1961 года XXII съездом КПСС Программа Коммунистической партии Советского Союза, обязывающая строить коммунизм, была отвергнута два года назад Съездом народных депутатов СССР вместе с руководящей ролью КПСС. Но она не выветрилась из сознания наивных сторонников самого справедливого общества, а их были миллионы. Да и как можно было сразу отвергнуть мечту — “бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники, все источники общественного богатства пользуются полным потоком и осуществится великий принцип “от каждого — по способностям, каждому — по потребностям...”

Как можно было мгновенно, резко отказаться от восславленного в Программе КПСС рая на земле, причём рая для всех!

Программу обязаны были изучить все граждане СССР, а финальные слова и определение коммунизма требовалось знать наизусть школьникам и студентам высших и средних специальных учебных заведений и

многим другим категориям граждан.

Как ни парадоксально, но многие люди всему этому привыкли верить, а некоторые продолжают и сейчас верить в коммунизм и в то, что его помешали построить жадные до наживы капиталисты и неспособные постичь коммунистическое учение демократы...

Что касается внутренней жизни всё ещё формально существующего Советского Союза, то Центр терял последние остатки власти. На проведенном совместно с выборами президента Украины референдуме 1 декабря 1991 года за независимость Украины высказались 90, 32% участников голосования. Не трудно было догадаться, что доля желающих независимости граждан в других республиках не меньше.

### **Прилёт-приезд**

Самолёт с Президентом России Ельциным и сопровождавшими его лицами прилетел в Минск утром 7 декабря. Российскую делегацию повезли сначала в Заславль, где все могли отдохнуть и подготовиться к кратковременному перелёту на авиабазу в Пружаны, а оттуда автотранспортом приехать в пущу.

Планировалось выступление Бориса Николаевича в Верховном Совете. Депутаты надеялись из уст главного россиянина услышать основные положения российской концепции отношений с республиками СССР, принявшими декларации о государственном суверенитете.

При реализации этого пункта программы Ельцина постигла неудача. Ему пришлось оправдываться за грубую оплошность тех, кто подготовил для него старинную грамоту, которую он хотел передать в качестве подарка Верховному Совету Беларуси.

Древняя грамота оказалась документом, подтверждающим имперский характер её составителей, что моментально уловили высокообразованные депутаты — профессиональные историки. Они громко объявили об этом, после чего раздались довольно дружные крики осуждения. Зал стал неуправляемым, и хотя Ельцин достаточно быстро из зала удалился, рёв и гам преследовали его и коридоре.

Меня случившееся не обрадовало. Происходящее было фактором, усложняющим реализацию задуманного. Но у меня не было морального права защищать Бориса Николаевича. Его политическая ошибка была очевидной, и не только депутаты от Белорусского Народного Фронта меня бы освистали. Я сожалел о случившемся, так как начиналось всё вовсе не так, как хотелось, но сгладить ситуацию был не в состоянии.

### **Вискули, день первый**

В главном здании бывшей резиденции ЦК КПСС находились апартаменты для важных гостей.

С позиции моей требовательности три комплекта номеров высшего качества были примерно одинаковой степени комфортности, одинакового уровня дизайна и почти не отличались по площади. Два из них были предоставлены соответственно Ельцину и Кравчуку. Я воздержался, чтобы занимать третий, не исключал, что всякое может случиться, и поселился в двухэтажном коттедже, который мне не меньше нравился. Там же поселились два моих охранника.

Вечером 7 декабря собрались в апартаментах Ельцина. Кроме глав делегаций от России присутствовали Геннадий Бурбулис, Егор Гайдар, Андрей Козырев, Сергей Шахрай; от Украины — Витолд Фокин и три депутата Рады; от Беларуси — Вячеслав Кебич, Михаил Мясникович, Пётр Кравченко.

Говорили о нефти, газе. Многом иным, но неумолимо вставал вопрос, ставший волею судьбы главным: что делать в реально имеющей место ситуации, когда ни Горбачёв, ни какой-нибудь властный орган не управляет Союзом ССР?

Всё дальнейшее я запомнил с подробностями по той простой причине, что не очень жаловал Геннадия Бурбулиса, как и всех иных философов-марксистов.

Ни разу ни от одного советского философа я не услышал чего-то такого, что не было бы озвучено в очередных призывах ЦК КПСС и Совмина СССР, напечатано в “Кратком курсе истории КПСС” или в университетских пособиях, толкующих этот “краткий курс”. А слово взял именно философ, первый (и, повидимому, последний) Госсекретарь Российской Федерации Геннадий Эдуардович Бурбулис.

— Господа, а не согласитесь ли вы поставить свою подпись под таким предложением: СССР как геополитическая реальность и субъект международного права прекращает своё существование?

Суть предложения Бурбулиса я понял мгновенно и, не скрою, оно мне сразу понравилось. Почувствовал себя неуютно за то, что не лучшим образом к нему до этого относился. Поэтому я не стал ожидать, пока кто-то выскажется, и сказал сухо:

— Я подпишу.

А ведь мог и похвалить философа, так как, не стесняюсь это признать, даже позавидовал ему. Потом все присутствующие подтвердили, что готовы подписаться под словами Госсекретаря Российской Федерации Бурбулиса. Таким образом, философ,

“марксист-ленинец” — именно такие слова всегда ставились в СССР перед словом “философ”, когда речь шла об университетском преподавателе или о научном сотруднике — фактически определил, чем мы будем заниматься в Вискулях всё остальное время. Это вдруг начали пояснять друг другу все собравшиеся в резиденции Президента России Бориса

Ельцина. Здесь же прозвучало тогда и часто повторяемое впоследствии о Беловежском соглашении: “Мы обязаны делать то, что нельзя не делать!” Галдёж прервало многократное ельцинское “понимаешь!”

— Кость, понимаешь, имеем хорошую кость. Нужно нанизать на неё мясо. Но нельзя ничего упустить, оставить неупомянутым. Ничто не должно повиснуть в воздухе. Иначе нас добрым словом никто не вспомнит. Прежде всего, никто не должен испугаться того, о чём мы заявим нашим гражданам и всему миру. На первом месте должно быть созидание, а не разрушение. Мы должны показать, понимаешь, что существует способ остаться единением без лицемерия и попрания прав и свобод граждан по национальному и любому иному признаку. И хватит этих “СС”, понимаешь: СССР, КПСС, а теперь ещё ССГ — Содружество Суверенных Государств. Независимых, понимаешь! Содружество Независимых Государств!

Я радовался за Бориса Николаевича. Утреннее выступление в Верховном Совете забыто, значит, исходная цель встречи — шанс договориться о нефти и газе не уменьшен. И хотя Ельцин не говорил ничего того, что не прозвучало бы в той части нашего общего разговора, которую я назвал “галдёж”, но он великолепно всё обобщил. Не нужно было давать дополнительные пояснения тем, кто вошёл в группу подготовки проекта соглашения. Здесь же согласовали и отводимый на подготовку проекта срок: полная готовность — к завтрашнему утру.

### 8 декабря

Утро 8 декабря не было ни туманным, ни седым. Было ясным. На предложенную всем охоту отправились только Кравчук и Фокин. Охотничье счастье улыбнулось премьеру Украины, президент нашей синеокой южной соседки стрельнул и промазал. Но не расстроился, скорее наоборот, весь день действовал энергично и целеустремлённо.

Я никогда не охотился. В студенческие годы, взяв у своего коллеги — завязанного охотника, сидевшего со мной в лодке, посмотреть ружьё, выстрелил и попал во взлетевшую утку. Мелкую погубленную птичку мне до сих пор жаль. Однако имею, значит, какой-то охотничий опыт. Спрашиваю у егерей, готовивших охоту:

— Как же так, один из лучших охотников Украины ничего не подстрелил?

— Да мы и тому, и другому на длинную верёвку кабанчиков привязали, но первый верёвку выстрелом перебил, а второй в кабанчика попал.

Так и не знаю до сих пор, егерская это шутка или правда.

На завтраке большинство высоких гостей присутствовало степенно от начала до конца,

разработчики и эксперты — челночно или с опозданием. Кравчук и Фокин опоздали основательно. Так или иначе, все хорошо позавтракали и вдоволь наговорились.

Пришло время рассматривать проект. Шесть человек — первые и вторые лица стран-участниц — соблюдали последовательность от заглавия до последней строчки. 18 статей, предложенных разработчиками, превратились в 14. Что-то объединили. Что-то разнесли в иные статьи. Каждую статью дорабатывали до тех пор, пока ни у кого не оставалось никаких замечаний, никаких сомнений. Эксперты-разработчики основательно замыслились, выслушивая пожелания и советы о том, что не совсем понятно, что нужно добавить, что убрать или смягчить, как усилить акценты. Безропотно убежали дорабатывать исправлять.

В этой, с точки зрения неискущённого наблюдателя, суете, в моём сознании вертелся анекдот о своенравии Горбачёва, который вдруг захотел сесть за руль своего служебного ЗИЛа и въезжает в Кремль. На вопрос начальника: “Кто там поехал?”, милиционер отвечает: “Не знаю кто, но за рулём у него был сам Горбачёв!”

Так и у нас. На посылках был Егор Гайдар. Он был лучшим из тех, кто находил формулировки, снимающие всякие сомнения, за ним с малым отставанием следовал Сергей Шахрай. Да и все остальные работали прекрасно с максимальной отдачей.

В итоге постатейно и в целом к часам 14-15 был единогласно принят текст соглашения, подлежащий подписанию в официальной обстановке.

### **Кто, когда, кому звонил?**

Михаил Сергеевич Горбачёв не устаёт повторять, что ему — Президенту СССР — о Беловежском соглашении позвонили позднее, чем президенту Соединённых Штатов Америки Джорджу Бушу.

Это неправда. Я позвонил ему первому, как мы втроём — Ельцин, Кравчук и я — договорились. Позвонил гораздо раньше, чем Ельцин Бушу, по “тройке”, по телефону, который находился у него под рукой. Но сначала трубку снял не он, а кто-то иной. Начал спрашивать, кто звонит, откуда? Я представился. Последовал ответ: передаю трубку президенту. Горбачёв важничал, держал паузу, потом взял трубку. Я стал ему детально объяснять сущность подготовленного для подписания документа и очень удивился, что он обращается ко мне на “вы”. До этого было только “ты”.

Видя, что я говорю по телефону, и, естественно, не прислушиваясь к моему разговору, Ельцин начал звонить Бушу. А говорил я ещё только с помощником. Ельцина соединили сразу же. Переводил разговор Андрей Козырев, переводил во всеулышание, громко, приложив к уху трубку параллельного с ельцинским

аппарата. Буш сориентировался мгновенно. Михаил Сергеевич, как у него было принято, начал менторским тоном меня поучать и сказал, растягивая слова, примерно следующее:

— А не задумались ли вы над тем, как воспримет ваши деяния международная общественность?

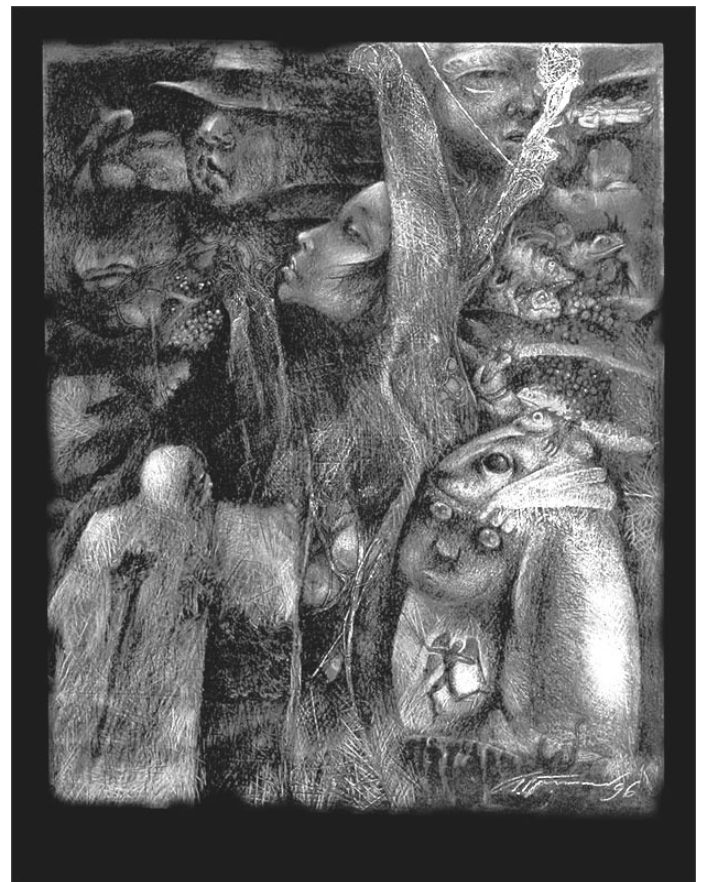
— Уважаемый Михаил Сергеевич, в этом отношении всё в порядке. Вот Борис Николаевич говорит о предстоящем подписании с Бушем, и тот нормально на всё реагирует.

Далее в трубке было молчание до сигнала “отбой”.

Около 16 часов соглашение было подписано в торжественной обстановке перед журналистами и телекамерами.

*(Перевод с белорусского)*

**Александр Григорьев**



*Мария, 1999*



### Анна Немеровская

#### **Об Ариадне Фиксман, Исере Менгеле и других**

(Отрывок из романа “И даровал Всевышний Человеку свободу воли”).

*“Я еврей, но не вижу в этом причины ни для гордыни, ни для стыда и отстаиваю свое происхождение лишь в одном случае: перед лицом антисемита”.*

Марк Блок

*Марк Блок (1886-1944) — французский историк еврейского происхождения, автор трудов по западно-европейскому феодализму, аграрным отношениям во Франции, общим проблемам методологии истории. Один из основателей школы, произведшей переворот в исторической методологии. Участвовал в I и II мировых войнах в чине капитана. “В 1940 году эвакуирован из Дюнкерка в Британию, но вернулся оттуда во Францию, где участвовал в движении Сопротивления. В марте 1944 года был арестован гестапо и стойко выдерживал все пытки, не раскрыв ни имен, ни явок. 16 июня того же года был расстрелян вместе с группой патриотов. Его последние слова: “Да здравствует Франция!”*

Состав участников движения Сопротивления во Франции был неоднородным, как ни в одной другой стране: французы-патриоты, возмущенные своим продажным правительством, католики, анархисты, русские белоэмигранты, испанские партизаны, левые республиканцы и баскские националисты, эвакуировавшиеся из побеждённой Испанской Республики во Францию и имеющие военный опыт. (Французские же коммунисты присоединились к движению Сопротивления только после того, как фашисты напали на Советский Союз.) В рядах Сопротивления сражались также французские евреи, создавшие свою организацию. Среди них было немало эмигрантов из России.

Связь между различными группами и группками Сопротивления ложилась на тех, кто владел двумя и более языками. Французский, испанский, каталонский, баскский, идиш и русский связывали и помогали координировать действия отрядов.

Среди многих важных задач Сопротивления — диверсии против немецких военных, саботаж. Для партизан южной зоны страны первейшим делом было укрывать преследуемых евреев и распространять антифашистскую информацию и пропаганду.

Ариадна Скрыбина. Дочь великого русского композитора... Осиротев, и попав в Париж, к дяде и бабушке, Ариадна влюбилась в известного поэта Довида Кнута (Фиксмана), перешла в иудаизм по строгим религиозным правилам, приняла имя Сарра и 3-им браком вышла за него за муж.

11 июня 1940 г. немцы вошли в Париж. Кнут и Ариадна с детьми переправились на юг, в Тулузу. Здесь они создали подпольную группу Еврейского Сопротивления, ставшую частью еврейской боевой организации. Она, свободно владея несколькими европейскими языками, связывала русские группы сопротивления с еврейскими и французскими, координировала их работу.

В 1881 году в Яблуневе (тогда это была Польша, сейчас — Украина, Ивано-Франковская область) родилась еврейская девочка Ханна (на польский лад — Ханся) Верберг. Когда ей исполнилось восемь лет, семья бежала от очередных погромов в немецкий тогда Эльзас. Там ее по-эльзасски звали Шансья...

Шансья выросла, вышла замуж за шойхета (кошерного мясника), жила с ним в Страсбурге. Мужа звали Иосель (по-французски — Шарль) Менгель. У них родились два сына — Аллан и Исер, которого друзья звали Маркель. *(Что за страсть к переименованиям? А может это не страсть, может, это хамелеонский инстинкт — чтобы выжить, надо поменять окраску?)*

Вторая Мировая война. Фашисты заняли Страсбург, начали арестовывать евреев и увозить их в лагерь смерти. Пятой графы в паспорте не было, но были соседи, которые всё знали. Да и как не знать национальность кошерного мясника?

Воистину в человеке соединяются “черты ангельские и звериные, дабы мог он следовать склонностям ангельским и животным”. Те, которые были с чертами звериными оказались проворнее, и Иосель был схвачен фашистами. С ангельскими тоже не бездействовали и помогли бежать Хансе-Шансье с сыновьями на юг, в Тулузу и даже “нарисовали” им новые документы, в которых их снова переименовали. Мальчикам предложили выбрать любую французскую фамилию. Они взяли историческую фамилию — известного генерала Французской Революции Франсуа Марсо Северен Де Гравье. Братья активно участвовали в движении “Сопротивление”, а младший Исер Иоселович Менгель (Маркель Марсо) входил в группу по спасению еврейских детей.

Задачей группы Еврейского Сопротивления, куда входили братья Менгель — Марсо, было спасение

еврейских детей. Законопослушные и исполнительные французские полицейские стогнали евреев в определённые пункты сбора, а потом их грузили в товарные вагоны и везли через всю страну в концлагерь уничтожения. Просто и буднично...

Пока люди еще находились в Тулузе — была надежда... При помощи фальшивых документов можно было вывести хоть нескольких детей. Чтобы охранник не слишком пристально рассматривал документы, ему давали или бутылку хорошего коньяка или французские духи для его фрау в Германии. Или какая-то дама отвлекала его беседой на прекрасном немецком. А тем временем Маркель заходит в гетто и выходит с каким-нибудь еврейским ребенком. Снова тычет он поддельный документ на ребенка с поддельной датой рождения, делавшей его возраст неподходящим для депортации и быстро уходит. Сколько бы раз Маркель ни проходил мимо одного и того же охранника, тот не узнавал его... Один раз мимо проходил молодой парнишка подпрыгивающей походкой, весело насвистывающий, другой раз это был грустный прихрамывающий человек, иногда понурый и сутулый, иногда с глупым, удивленным лицом... Маркель обладал талантом перевоплощения. Маркель отводил ребенка к подпольщикам, которые, накормив и переодев этих ребят, и передавали их дальше по цепочке в Испанию, в католические монастыри, монахи и настоятели которых прятали детей.

Иногда им удавалось достать настоящие или сделанные более качественно документы, и тогда детей и даже взрослых переправляли в Швейцарию.

*В Испании Франко отказался принять антисемитское законодательство, несмотря на сильное давление фашистской Германии. Он “закрывал глаза” на то, что испанские пограничники за взятки пропускали на территорию Испании евреев, бежавших из оккупированных стран. Католические монастыри прятали переправленных через границу еврейских детей. (По этой причине историография современного Израиля относится к нему снисходительно, несмотря на его сотрудничество с Гитлером.) Помимо евреев, на территории Испании спасались сбитые над Францией и сумевшие перейти Пиренеи лётчики антигитлеровской коалиции. Режим Франко даже не мешал им за их деньги фрахтовать суда и отправляться на территории, подконтрольные западным союзникам. (По некоторым источникам он спас жизни не меньше 60 тыс. евреев, которые бежали от нацистов.)*

Когда в задней комнатке подпольной квартиры собиралась их небольшая группа, все разговоры сводились к одному — то, что они делают, — это капля в море. Как спасти больше людей?

— Почти каждый день уходят из Тулузы поезда, наполненные евреями, цыганами, подпольщиками. А мы не можем им помочь. Мы радуемся, если удаётся вывести из гетто двух ребятшек вместо одного, а пока их сотнями увозят в Германию.

Однажды, группа узнала тяжелую весть:

— Лифшиц погиб...

Они хорошо помнили этого красивого кудрявого парня, возбужденно размахивающего руками... Лифшиц с двумя друзьями сумели остановить поезд, начали открывать вагоны с криками: “Разбегайтесь скорее!”. Их застрелили...

...Какова доля вины Французской национальной железнодорожной компании (SNCF) в депортации из Франции в лагеря смерти на территории Германии 76 тысяч французских евреев, 20 тысяч цыган, 38 тысяч участников Сопротивления?..

Французская полиция выискивала и арестовывала евреев, включая детей и стариков, и затем депортировала их. Немцы контролировали их “работу”, а детали разрабатывали сами французы. Служащие железнодорожной компании проявляли служебное рвение, чтобы оккупанты были довольны.

*Именно французы придумали использовать вагоны для перевозки скота без лавок и туалетов, поскольку в них можно было затолкать больше людей. В вагоны загоняли мужчин, женщин, стариков и детей. Люди в вагонах теряли сознание, кричали, плакали дети, умирали старики... Французы вели составы до границы с Германией, там французскую бригаду сменяла немецкая.*

*Французы-железнодорожники сортировали отобранные у евреев при погрузке вещи и отправляли их в Германию. Отpravку вагонов, закрытие дверей на цепи и висячие замки, навешивание деревянных щитов-заглушек на окна проверяли французы — инженеры SN CF. Все железнодорожники были членами профсоюза, который не прекращал работу и в период оккупации.*

*Аресты евреев проходили не только на оккупированной, но и на так называемой, “свободной территории Франции”, где формально оккупации не было! Отправка составов с евреями велась до последнего дня оккупации. Были случаи, когда составы отправлялись со станции за час до прихода союзных войск! Ни разу ни один француз — инженер, рабочий, машинист, сцепщик, кочегар — не отказался вести состав с обречёнными.*



*Ариадна Скрябина и Довид Кнут. Париж, осень 1939г.*

Не было ни одного взрыва на железных дорогах по пути следования этих составов. Лишь однажды три студента, фамилия одного из них была Лифшиц, остановили состав, пригрозили машинисту и успели открыть несколько вагонов. 232 евреям удалось спастись. Повторяю, это был единственный случай за всю войну! А ведь немцы не охраняли эти составы на территории Франции. Был, правда, один машинист, который отказался вести состав, но не с евреями, а с участниками Сопротивления. Один за всю войну!

Весь оккупационный корпус немцев во Франции составлял 60 тысяч солдат и офицеров. На 40 миллионов французов. Нация, рубившая головы своим королям, организованно сдалась на милость бошей и послушно следовала указаниям оккупантов. Сопротивление было настолько незначительным, что французы не смогли сами себя освободить. Францию освободили союзники. Кроме того, с момента оккупации и до нападения немцев на СССР французские коммунисты вообще не вели борьбы с оккупантами. “Победительницей” в войне коллаборационистскую Францию сделала умная политика де Голля, который привел Францию в Ялту и усадил за один стол с СССР, Англией и Америкой.

Марсель Марсо



(Н. Большакова.)

Полвека (!) совесть никого не тревожила... И только в 1995 году президент Жак Ширак официально... признал ответственность французского правительства за депортацию парижских евреев в Освенцим...

Ариадна Скрябина-Фиксман в 1943 году родила Довиду сына, которому дала имя Йосеф. Годом позже Ариадна сумела достать более профессионально сделанные фальшивые документы и после того, как к Довиду нагрянули с обыском (к счастью, в его отсутствие), переправила его с детьми Швейцарию.

Когда до Освобождения оставалось меньше месяца, бесстрашная Режин (такова была конспиративная кличка Ариадны) попала в засаду и получила пулю в сердце. Ей было всего 39 лет, столько же, сколько отпущено было ее матери.

Подвиг той, что по собственному выбору стала Саррой, а в далеком российском прошлом звалась Ариадной Скрябиной, Франция почтила посмертными наградами — Военным крестом с Серебряной звездой, медалью Сопротивления и мемориальной табличкой в Тулузе на доме, в котором она встретила смерть всего за месяц до Освобождения. На ней по-французски написано “Ариадна Фиксман, Томас Бауэр” и стоит дата. На установленной здесь же Движением сионистской молодежи Тулузы мемориальной доске надпись менее лаконична: “В память Режин — Ариадны Фиксман, героически павшей от рук неприятеля 27.7.44, защищая еврейский народ и нашу родину — Землю Израиля”. Прежде всего, бросается в глаза, что в этом тексте благодарная Франция великолепно отсутствует. Кроме того, непонятно — от чьих именно рук погибла эта героическая женщина?

Дело в том, что до последних дней оккупации трусливые французские полицейские старательно исполняли директивы нацистов, ловя и отправляя в их лапы своих сограждан, самоотверженно спасавших от гибели малолетних детей.

(Вишистские полицейские хотели захватить Режин (Ариадну) вместе с Томасом Бауэром и Раулем — их молодым командиром, на явочной квартире, заполненной снаряжением для опасного перехода — ботиночками, курточками, рюкзаками... Ариадна и Томас были убиты, а раненый Рауль сумел скрыться.)

Не зря же после освобождения Франции союзниками сам генерал де Голль вынужден был признать, что “синагога дала больше бойцов, чем церковь”.

(Р. Степанова. “Путеводная нить Ариадны Скрябиной”)

В этом же 1944 году погиб в Освенциме Менгель — отец Маркеля Марсо.

Маркель Марсо, в совершенстве владевший тремя языками, после освобождения Франции служил переводчиком у генерала де Голля. Возможно, ему светила военная карьера, но вмешался случай.

Чтобы как-то выразить свою признательность освободителям, развеселить американских солдат, оторванных так надолго от своей родины, он вспомнил, как еще 13-летним подростком выступал в Эльзасе перед ребятами в детском лагере, который каждое лето устраивала его тетя. Он изображал Чарли Чаплина. Дети были в восторге. Вот и сейчас он показал несколько пантомим трем тысячам солдат ВС США.

Так началась профессиональная карьера мима Марселя Марсо и его героя Бипа — маленького человека в этом большом мире. Артист говорил, что выдумал своего героя, маленького еврейского мальчика очень похожего на героев Шолом-Алейхема.

Мне хочется закончить, еще раз словами Марка Блока: “Я еврей, но не вижу в этом причины ни для гордыни, ни для стыда и отстаиваю свое происхождение лишь в одном случае: перед лицом антисемита”.

*Big Open World Magazine Photo Gallery*



*Festival of Big Open World Magazine*



*Fair Lawn, New Jersey 12/27/2015*





*Big Open World Magazine Photo Gallery*



*Festival of Big Open World Magazine*



*Fair Lawn, New Jersey 12/27/2015*